

АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ

ИБЕРИЙСКО-РИМСКИЕ ВОЙНЫ

(Иберика)

1. Есть горный хребет Пирена, простирающийся от Тирренского моря до северного океана; живут тут на востоке кельты, которые теперь называются галатами, или галлами; к западу—иберы, или кельтиберы, занимая кругом все те местности, которые идут, начиная от Тирренского моря, вдоль по (проливу и) Геракловым Столбам до северного океана. Таким образом, Иберия омывается морями, за исключением одной стороны, где идет Пиренейский хребет, самый большой из всех гор Европы и, можно сказать, самый крутой из всех. Те, кто совершает плавание вдоль берегов Иберии, плавают по Тирренскому морю до Геркулесовых Столбов, а в западный и северный океан они не проникают, кроме тех, которые плывут в Британию, да и то используя морские отливы. На эту переправу они употребляют полдня, а вообще ни римляне, ни другие народы, находящиеся под властью римлян, не пытаются (плавать) по этому океану. Величина Иберии,—или как теперь некоторые вместо Иберии называют ее Испанией—очень значительна и для одной страны даже невероятна: ширину ее исчисляют в десятки тысяч стадий, а ширина ее соответствует ее длине. Населяет ее много народов, носящих разные названия. По ней протекает много судоходных рек.

2. Какие племена считались населявшими ее сначала, какие заняли ее потом, над этим я не задумывался, да и поскольку я описываю деяния римлян, этим я не интересовался. В общем, мне кажется, что в древности кельты, перейдя через Пиренеи, поселились тут, смешавшись (с местными иберами), откуда и вышло их имя «кельтиберы». Думается мне, что и финикийцы, очень часто переплывавшие в Иберию по торговым делам, заселили некоторые местности Иберии. Равным образом, и некоторые греки, плававшие в Тартесс¹ к царю Тартесса Аргантонию, осели в Иберии. Ведь царство Аргантония было в стране иберов, и Тартесс, как мне кажется, был тогда приморский город, тот, который теперь называется Карпессом². Святилище Геракла, находящееся у Столбов, как мне кажется, основали финикийцы, и до сих пор еще религиозное служение совершается там по финикийскому обряду, и сам бог у них не фиванский, а тирийский.

3. Все эти вопросы я оставляю тем, кто занимается древностями. Эту страну, плодородную и изобилующую большими природными богатствами, еще до римлян стали всячески <эксплуатировать и> захватывать

¹ О Тартессе см. выше, стр. 186—189.

² Другое название этого племени: карпенаты.

под свою власть карфагеняне. Частью ее они уже владели, другую часть грабили, пока, наконец, римляне не прогнали их. То, чем владели карфагеняне в Иберии, римляне тотчас же взяли под свою власть; всё же остальное было ими захвачено в течение долгого времени и с большим трудом; не раз происходили восстания, пока, наконец, римляне не захватили всего в свои руки и, разделив всю страну на три части, не стали посылать трех военачальников (пропреторов). Как они захватили каждую из этих частей и как они из-за этого воевали с карфагенянами, а после них с самими иберами и кельтиберами,—это составит содержание данной книги. Первая ее часть относится ко времени карфагенян; так как и это касалось истории Иберии, то мне показалось необходимым внести всё это в описание войн в Иберии, на том же основании, как и все столкновения, происшедшие между римлянами и карфагенянами из-за Сицилии, начиная с перехода римлян в Сицилию и захвата власти над нею, отнесены мною к описанию войн в Сицилии.

4. Первая война вне пределов Италии была у римлян с карфагенянами из-за Сицилии, и вели они ее в самой Сицилии; и эту вторую войну, из-за Иберии, они вели в Иберии; во время этой войны, переплыв море с большими войсками, они взаимно вторгались в чужие пределы—одни в Италию, другие в Ливию; они подвергали их опустошению. Началась эта война приблизительно в 140-ю олимпиаду, когда карфагеняне нарушили договор (с римлянами), заключенный после сицилийской войны. Нарушили же они его по следующему поводу.

Гамилькар, по прозванию Барка, будучи начальником карфагенских войск в Сицилии, обещал большие подарки кельтским наемникам и своим союзникам из ливийцев. После его удаления (из Сицилии) в Ливию они стали требовать их уплаты; из-за этого возгорелась у карфагенян ливийская война, в которой карфагеняне потерпели много тяжелого от самих ливийцев, а Сардинию должны были отдать римлянам в качестве штрафа за те убытки, которые были нанесены римским купцам по время этой ливийской войны. Когда из-за всего этого враги привлекли Барку к суду, как виновного перед родиной за такие несчастья, то Барка привлек на свою сторону влиятельных в правительстве лиц, в числе которых был Гасдрубал, наиболее умевший добиваться расположения народа,—он был зятем Барки,—и не только избег суда, но даже, когда началось какое-то восстание среди номадов, добился того, что был выбран вождем для ведения войны против них вместе с Ганноном, называемым Великим, хотя Гамилькар не сдал еще отчета по прежнему своему командованию.

5. При окончании этой войны, когда Ганнон вследствие какой-то клеветы, возведенной против него, был вызван в Карфаген, Гамилькар один остался во главе войска; он привлек к себе в качестве сотрудника своего зятя Гасдрубала и вместе с ним он перешел в Гадейру (Гадес) и, переправившись в Иберию через пролив, стал грабить иберов, ничем не провинившихся перед ним. Этим он создал для себя предлог, чтобы не быть дома, совершать военные походы и добиваться расположения народа. Ведь всё, что он захватывал, он распределял между своими: часть тратил на войско, чтобы тем охотнее оно совершало с ним незаконные поступки, часть посылал в самый Карфаген, часть раздавал правителям карфагенским, которые покровительствовали ему. В конце концов против него поднялась часть иберийских царей и те, кто был среди народа наиболее могущественным; следующим образом они убили Гамилькара. Гоня перед собой телеги, наполненные дровами, в которые были запряжены быки, они сами с оружием в руках следовали за этими телегами. Увидав это и не поняв хитрости, ливийцы подняли смех. Когда же дело дошло до сражения, то иберы подожгли телеги, оставляя запряжен-

ными быков, и быстро погнали их на врагов; быки бросились в разные стороны, раскидывая огонь, это привело в беспорядок ливийцев. Так как строй карфагенян был нарушен, то иберы, напав на них, убили самого Барку и большое число защищавших его.

6. Карфагеняне, уже привыкшие к доходам из Иберии и крайне довольные ими, послали в Иберию другое войско, и начальником всех войск они назначили Гасдрубала, зятя Барки, находившегося уже в Иберии. Своим помощником он назначил Ганнибала, немного времени спустя прославившегося своими воинскими успехами; он был сыном Барки и братом жены Гасдрубала и был уже с ним в Иберии, юный, любивший военное дело и любимый войском. Большую часть иберийских племен Гасдрубал привлек на свою сторону убеждением,—он обладал даром говорить убедительно; там же, где нужно было применить силу, он использовал юного Ганнибала, и, таким образом, он продвинулся от западного моря в центр страны до реки Ибера (Эбро), которая делит Иберию почти пополам, от Пиренейских гор отстоит дней на пять пути и впадает в северный океан.

7. Сагунтинцы (заканфийцы), являясь колонией (с острова) Закинфа—они жили посредине между рекой Эбро и Пиренейскими горами—и все другие эллины, поселившиеся около, так называемого, Эмпория, а также по другим местам Иберии, боясь за себя, отправили посольства в Рим. Сенат, не желая, чтобы силы карфагенян очень увеличивались, отправил послов в Карфаген. И обе стороны договорились, что границей карфагенских владений в Иберии является река Эбро, что ни римляне не должны переходить через эту реку с целью войны, так как эти земли подчинены карфагенянам, ни карфагеняне не должны переходить Эбро, чтобы там вести войну, и что сагунтинцы и остальные живущие в Иберии эллины должны быть автономны и свободны. Это и было записано в мирном договоре между римлянами и карфагенянами.

8. Когда Гасдрубал на основании этого стал организовывать Иберию, бывшую под властью карфагенян, раб, господина которого он жестоко казнил, во время охоты убил его из засады. Уличенный в этом преступлении и подвергнутый жесточайшим пыткам, он был казнен Ганнибалом, а войско провозгласило своим полководцем Ганнибала. Хотя он был очень молод, но был ими сильно любим. И карфагенский сенат подтвердил это избрание. Те из домашних врагов Барки, которые боялись могущества Барки и Гасдрубала, как только узнали о их смерти, отнеслись с презрением к Ганнибалу, как к юноше, и стали преследовать их друзей и сторонников обвинениями, выдвинутыми против них. Народ был на стороне обвинителей, злобствуя на обвиняемых за их тяжкую для народа власть, которою они пользовались при Барке и Гасдрубале. Кроме того, многочисленные и крупные подарки, которые им посылали раньше Гасдрубал и Барка, они велели им сдать в казначейство, как полученные от врагов. Тогда они стали посылать к Ганнибалу с просьбой помочь им, указывая ему, что и сам он со стороны своих наследственных врагов будет поставлен в унижительное положение, если оставит без внимания тяжелое положение тех, кто на родине может ему содействовать.

9. Ганнибал и сам предвидел это уже раньше их и понимал, что судебные процессы против них это—начало заговора против него самого. Он считал недостойным для себя вечно со страхом терпеть эту вражду, как терпели ее его отец и шурин, и всю жизнь зависеть от изменчивости карфагенян, так легко плативших неблагодарностью после полученных ими благдеяний. Говорят, когда он был еще мальчиком, отец заставил его поклоняться перед огнями алтаря и положенными на них жертвами, что он будет непримиримым врагом римлян, когда будет участвовать

в управлении государством. Поэтому он решил, что, ввергнув отечество в большие и длительные предприятия и заставив его находиться в состоянии беспокойства и страха, он тем себя и своих друзей поставит в безопасное положение. Он видел, что и Ливия, и та часть Иберии, которая была в подчинении у карфагенян, вполне спокойны. Если же он вновь начнет войну против римлян, чего он особенно желал, то ему казалось, что карфагеняне будут в великих заботах и страхах, а сам он, если выиграет дело, достигнет бессмертной славы, сделав свою родину властительницей вселенной, так как после поражения римлян у карфагенян не будет больше равносильных противников; а если даже и потерпит неудачу, то и в этом случае его предприятие принесет ему великую славу.

10. Считая, что это будет блестящим началом, если он перейдет Эбро, он подбил турболетов, соседей сагунтинцев, обратиться к нему с слезными жалобами на сагунтинцев, будто они делают набеги на их страну и совершают по отношению к ним много других беззаконий. Они послушались его. Тогда Ганнибал отправил их послов в Карфаген, а сам в секретных письмах сообщал, что римляне подговаривают находящуюся под властью карфагенян Иберию отпасть от карфагенян и что сагунтинцы содействуют в этом римлянам. Он вообще не переставал распространять эту ложь, сообщая много подобных сведений, пока, наконец, сенат не поручил ему действовать по отношению сагунтинцев так, как он признает нужным. Когда он получил такой предлог, он вновь добился, чтобы турболеты явились к нему с жалобами на сагунтинцев; тогда он вызвал к себе послов. Они явились¹. Когда же Ганнибал приказал и тем, и другим доложить ему, в чем у них несогласия, сагунтинцы сказали, что они перенесут это дело на решение римлян. Разгневанный на эти слова, он немедленно выслал их из своего лагеря и в следующую ночь со всем войском перешел через Эбро, стал опустошать их страну, а против города выдвинул машины для штурма. Так как он не смог взять Сагунт приступом, то он окружил его рвом и стеной и, поместив вокруг сильный гарнизон, через короткие промежутки делал приступы.

11. Сагунтинцы, на которых обрушилось такое неожиданное несчастье—война без объявления,—отправили послов в Рим. Сенат вместе с ними отправил послов, которые прежде всего должны были напомнить Ганнибалу о договоре; если же он не послушается, то плыть в Карфаген с жалобой на него. Когда эти послы приплыли в Иберию и хотели подняться от моря к лагерю, Ганнибал отказал им в позволении явиться к нему. И они отплыли в Карфаген вместе с сагунтинскими послами. Там они напомнили карфагенянам о договоре; карфагеняне же, со своей стороны, обвиняли сагунтинцев во многих неправильных действиях по отношению к своим подданным. Сагунтинские послы предложили им рассудить это дело, взяв в качестве (третейских) судей римлян; но карфагеняне ответили им, что не нуждаются в судебных разбирательствах, имея возможность оградить себя (от обид) оружием. Когда этот ответ был сообщен в Рим, то одни требовали немедленно идти на помощь сагунтинцам, другие же удерживали от этого, говоря, что в договоре они не значатся их союзниками, а записаны как автономные и свободные, и свободными же они остаются и тогда, когда они находятся в осаде. Это мнение одержало верх.

12. Когда сагунтинцы потеряли надежду на помощь римлян и голод стал жестоко их мучить, а в то же время и Ганнибал непрерывно теснил их осадой,—он слышал, что этот город богат и что в нем много золота; поэтому он не прекращал осады,—они собрали, согласно приказу, всё золото

¹ Другое чтение: «они прибыли в количестве 15 человек».

и серебро, которое было у них, государственное и частное, на площадь и сплавляли его со свинцом и медью, чтобы сделать его бесполезным для Ганнибала, сами же, предпочитая погибнуть скорее с оружием в руках, чем от голода, глубокою ночью сделали стремительное нападение на сторожевые посты карфагенян, которые спокойно спали и не ожидали ничего подобного. Когда они вскочили от сна и начали среди шума и беспорядка вооружаться, а некоторые стали уже и сражаться, нападающие наносили им большой урон. Когда завязалось более крупное сражение, то из ливийцев погибло очень много, а сагунтинцы—все. Их жены, видя со стен конец своих мужей, одни сбрасывались с крыш домов, другие накидывали на себя чепчики, а некоторые, убив предварительно своих детей, сами пронзали себя мечами. Таков был конец Сагунта, большого и могущественного города. Когда Ганнибал узнал, что они сделали с золотом, то в гневе он предал смерти еще оставшихся в живых взрослых, подвергнув их поруганию и мучениям. Что же касается города, то, видя, что он у моря и недалеко от Карфагена и что ему принадлежит очень плодородная область, Ганнибал вновь отстроил его и сделал карфагенской колонией. Ее теперь, думаю, называют Карфагеном-Спартагеной¹.

13. Римляне отправили послов в Карфаген, приказав им потребовать у карфагенян выдачи Ганнибала, как нарушившего договор, если они не считают это дело общим для всего государства. Если же они его не выдадут, то тотчас же объявить им войну. Они так и поступили: так как карфагеняне не выдали им Ганнибала, они объявили войну. Говорят, что это произошло следующим образом. Римский посол, встреченный ими насмешками, указав на складки тоги на груди, сказал: «Здесь я ношу для вас, карфагеняне, мир и войну; выбирайте, что из этих двух вы хотите». Они ему в ответ: «Что ты сам хочешь, то и давай». Когда он предложил им войну, они все в один голос воскликнули: «Принимаем!» И тотчас они послали к Ганнибалу приказ быстро и безбоязненно обойти всю Иберию, считая себя свободными от данных клятв. Ганнибал, обойдя все близлежащие племена, подчинил их своей власти, или убедив их речами, или устрашив, или покоровив силой оружия. Он собрал большое войско, не объясняя, с какою целью он это делает, сам же замышляя напасть на Италию. Он отправлял посольства к галатам (галлам) и исследовал проходы через Альпийские горы. И действительно немного спустя он по ним прошел, оставив в Иберии своего брата Гасдрубала.

14. <Римляне, предвидя, что им придется вести войну и в Иберии>, и в Ливии,—они никогда не могли даже подумать, что карфагеняне когда-нибудь вторгнутся в Италию,—собирались отправить Тиберия Семпрония Лонга на 160 кораблях с двумя легионами войска в Ливию,—что совершил Лонг и прочие римские полководцы в Ливии, написано (мною) в книге о Карфагенских войнах,—а Публия Корнелия Сципиона они собирались направить в Иберию на 60 кораблях с 10 000 пехоты и 700 всадниками; легатом при нем они велели отправиться брату его Гнею Корнелию Сципиону. Из них Публий, узнав от массилийских купцов, что Ганнибал двинулся через Альпийские горы в Италию, боясь, как бы он не напал на италийцев неожиданно, передав брату своему Гнею войска, предназначенные для Иберии, переплыл на пентере в Этрурию. То, что совершил он в Италии, а равно и другие военачальники, после него принявшие участие в этой войне, пока, наконец, на 16-м году войны Ганнибал с трудом не был изгнан из Италии, об этом повествует следующая книга, которая охватывает все деяния Ганнибала в Италии, и потому так и называется: «Книга римских войн с Ганнибалом».

¹ Производящий травы, Новый Карфаген.

15. Гней не совершил в Иберии, можно сказать, ничего замечательного, пока к нему не вернулся брат его Публий. Дело в том, что, когда кончился срок консульства Публия, против Ганнибала в Италии римляне послали других консулов, избранных после Публия, а его со званием проконсула вновь направили в Иберию. С этого времени оба эти Сципиона вели войну в Иберии. Против них с карфагенской стороны командовал войсками Гасдрубал, до тех пор, пока карфагеняне, подвергшись нападению нумидийского царька Сифакса, не вызвали к себе Гасдрубала с частью находившихся под его командой войск. Оставшихся же Сципионы легко победили. Многие из городов добровольно перешли на их сторону: оба они были выдающиеся полководцы и обладали даром убедительных речей на собраниях привлекать людей на свою сторону.

16. Заключив с Сифаксом мир, карфагеняне вновь посылают в Иберию Гасдрубала с более многочисленным войском и 30 слонами, а вместе с ним двух других полководцев, Магона и другого Гасдрубала, сына Гисгона. С этого времени Сципионам война стала труднее, но и в этих условиях они побеждали. Много ими было убито ливийцев, много и слонов, до тех пор, пока с наступлением зимы ливийцы не зазимовали в Турдетании, а из Сципионов Гней стал зимним лагерем в Орсоне, а Публий в Кастолоне. Там ему было дано знать, что приближается Гасдрубал. Выйдя из города с небольшим отрядом для разведки карфагенского войска, он не заметил, как попал на самого Гасдрубала, который, с конницей, окружив его и бывших с ним, всех перебил. Гней, ничего не зная о судьбе брата, послал своих воинов за хлебом. С ними встретился другой отряд ливийцев, и завязалась битва. Услыхав об этом, Гней быстро выступил против них, как был, с отрядом легковооруженных. Карфагеняне, избив передовых, стали преследовать самого Гнея, пока он не скрылся в какой-то башне. Карфагеняне сожгли эту башню, а в ней сгорел и Сципион вместе с бывшими с ним.

17. Так погибли оба Сципиона, люди во всех отношениях выдающиеся; о них очень жалели иберы, которые под их влиянием перешли на сторону римлян. Бывшие в Риме, узнав обо всем этом, были очень огорчены и отправили в Иберию Марцелла, только что прибывшего из Сицилии, а вместе с ним и Клавдия, дав им (60) кораблей, 1000¹ всадников, 10 000 пехоты и сколько нужно было снаряжения. Ими не было совершено ничего замечательного. Поэтому положение карфагенян укреплялось: они стали очень сильны и овладели почти всей Иберией, за короткое время заперши римлян в ущельях Пиренеев. Узнав об этом, римляне в городе еще более обеспокоились; они боялись, как бы, в то время как Ганнибал опустошает на широком пространстве всю южную Италию, эти карфагенские войска не вторглись в нее с другой стороны. Поэтому, хотя им хотелось отказаться от Иберии, сделать так они не могли из-за страха, как бы и эта война не перенеслась в Италию.

18. Они назначили день для выборов военачальника в Иберию, и, так как никто не выставил своей кандидатуры, их охватил еще больший страх; печаль и молчание нависли над собранием, как вдруг Корнелий Сципион, сын Публия Корнелия, убитого в Иберии, еще очень юный, — ему было всего 24 года, — но считавшийся очень благоразумным и даровитым, выступив на середину, произнес похвальную речь в честь своего отца и дяди и, оплакивая их печальную судьбу, заявил, что он является по наследству ближайшим из всех мстителем за отца, дядю и отечество. Он со всей силой и твердостью заявил, между прочим, как бы охваченный божеским наитием, обещая, что овладеет не только Иберией, но вслед за ней

¹ Другое чтение: две тысячи.

и Ливией, и Карфагеном. Некоторые считали, что он пустословит, как это бывает у юношей, но он поднял удрученный дух народа,—испуганные всегда радуются обещаниям улучшения,—и был выбран военачальником в Иберию, в надежде, что он совершит там нечто достойное своей решимости. Но старшие по возрасту назвали это не решительностью, а легкомыслием. Узнав об этом, Сципион вновь созвал их на собрание и опять-таки говорил о себе гордые речи. Затем он, сказав, что его (юный) возраст не должен служить препятствием для них (при его назначении), тем не менее заявил, что, если кто из более старых хочет взять на себя это командование, то он охотно ему передаст его. Так как никого не нашлось, кто бы пожелал взять на себя такое поручение, еще более восхваляемый и вызывая к себе восхищение, он отправился из Италии с 10 000 пехоты и 500 всадниками: большего войска нельзя было послать, так как Ганнибал опустошал Италию. Он взял с собою и денег, и всякое другое снаряжение, и 28 военных судов, на которых он и переплыл в Иберию.

19. Взяв там остатки войска и соединив с теми, кого он привел с собою, он произвел обряды очищения над войском и выступил и перед ними со столь же торжественной и многообещающей речью. Тотчас пролетела молва по всей Иберии, тяготившейся властью карфагенян и жаждавшей доблести и великодушного отношения Сципионов, что к ним военачальником прибыл Сципион, сын Сципиона, по некоему божескому велению. Заметив такое мнение о себе, он делал вид, что во всем он поступает по указанию божества, дававшего ему советы. Узнав, что враги стоят 4 лагерями, находящимися на большом расстоянии один от другого, что в каждом было по 25 000 пехоты и по 2 500 всадников, что в прежнем Сагунте, тогда уже называвшемся Новым Карфагеном, заготовлено много денег, хлеба, оружия, метательных стрел и кораблей, что там содержатся пленники и заложники со всей Иберии, а начальником гарнизона в этом городе является Магон с 10 000 карфагенян, Сципион решил сделать внезапное нападение прежде всего на этот город, ввиду небольшого количества войск, бывших с Магоном, и огромности запасов; он полагал, что, захватив этот город, на всю Иберию наиболее славившийся своими серебряными рудниками, плодородием почв и большим богатством, он будет иметь твердый опорный пункт и на море, и на суше; да и переезд отсюда в Ливию самый короткий.

20. Побуждаемый этими соображениями, никому заранее ничего не сказав, куда он собирается двинуться, по заходе солнца он вывел войско и всю ночь вел его к Карфагену. На рассвете, поразив ужасом карфагенян, благодаря своему внезапному прибытию, он окружил город рвом, а на следующий день он стал готовиться к штурму. Всюду вокруг стен он поставил лестницы и машины, кроме одной части, где была самая низкая стена и где к ней подходило море и болото, и поэтому сторожа мало обращали на нее внимания. Ночью, снабдив (все машины) стрелами и камнями, а в гавани города поставив свои корабли, чтобы неприятельские корабли не могли оттуда бежать,—в своей самонадеянности он был вполне уверен, что возьмет город,—перед рассветом он поставил солдат к машинам, приказав одним попытаться, поднявшись на верх стен, вступить в бой с неприятелями сверху, другим пододвигать машины ближе к низу городских стен. Магон поставил свои 10 000 у ворот, чтобы сделать внезапное нападение, когда будет благоприятный момент, вооружив их одними мечами,—в узком проходе пользоваться копьями было невозможно,—другим же он велел подняться на верх стен. И он, со своей стороны, поставив там много метательных машин с камнями и стрелами, смело вел защиту. С обеих сторон поднялся крик и стали раздаваться слова поощрения; и те, и другие проявляли пыл и решительность, бросая камни, стрелы и дротики, одни—прямо

руками, другие—при помощи машин, иные из пращей, как у кого была привычка и возможность, они смело использовали все средства защиты и наступления.

21. Положение Сципиона ухудшалось, и 10 000 карфагенян, которые стояли у ворот, бросившись с обнаженными мечами, напали на тех, кто двигал машины. Нанося большой урон, карфагеняне и сами терпели много, пока, наконец, дела римлян не выправились, благодаря их упорству и выносливости. Ввиду происшедшей перемены и те, которые стояли на стенах, стали испытывать затруднения; и к ним уже приближались лестницы. Те из карфагенян, которые были вооружены мечами, быстро вбежав в ворота и заперев их, вскочили на стены. И вновь римлянам предстоял большой и тяжелый труд. В это время Сципион, который всюду сам присутствовал, громким голосом побуждая воинов, около полудня увидел, что там, где была низкая стена и примыкало болото, море начинает отходить. Это был ежедневный отлив. При приливе вода доходила до середины груди (сосков), при отливе же—до половины голеней. Увидав это и узнав о природных свойствах моря, каким оно бывает здесь в остальную часть дня, прежде чем вернется море, он быстро прошел по всем рядам римлян, громко крича: «Теперь время, воины! Теперь мне помощником явился бог! Идите к этой части стены! Море уступило нам место! Несите лестницы! Я иду впереди вас!».

22. И он первый, схватив какую-то лестницу, перенес ее через болото и стал подниматься на стену, когда еще никто на нее не поднимался. Но окружавшие его телохранители и все остальные воины удержали его, и сами, приставив много лестниц, стали стремительно взбираться на стены. С обеих сторон поднялся крик, и началось стремительное нападение; много было здесь и успехов, и неудач; в конце концов одолели всё-таки римляне; они захватили несколько башен, на которые Сципион поставил воинов с трубами и военными рогами и велел им подбодрять своих воинов и производить шум, как будто бы город уже взят. В то время как другие, перебегая с места на место, наполняли всё смятением, некоторые, спрыгнув со стены в город, открыли Сципиону городские ворота; он устремился сюда бегом со всем войском. Из тех, кто был внутри города, одни разбежались по домам, а Магон собрал свои десять тысяч на площади. Когда в скорости и эти были изрублены, он с небольшим отрядом отступил в крепость. Но Сципион быстро подошел и к этой крепости. Магон, видя, что он ничего не может сделать с побежденными и охваченными страхом воинами, сдался Сципиону.

23. Благодаря своей смелости и счастью, взяв в один день богатый и могущественный город, на четвертый¹ день после того, как он подошел к его стенам, Сципион страшно возвысился в глазах всех, и еще больше утвердилось убеждение, что он всё делает по указанию бога, да и сам он стал так думать и, начиная с этого времени, и в дальнейшей жизни распространял о себе такие слухи. Часто он уходил один в Капитолий и сидел там, закрыв двери храма, как будто узнавая что-то от бога. Еще и поньше в торжественных шествиях статую одного только Сципиона выносят из Капитолия, а все остальные—с форума. Взяв этот город, своего рода склад всего, что нужно для войны и для мира, он нашел в нем много оружия, метательных стрел, военных машин, доков и 33 военных корабля, хлеба и всякого рода запасов, слоновой кости, золота и серебра, частью в виде изделий, частью чеканной монетой, частью в сплаве; он захватил там и заложников иберийских племен, и пленников, и всех тех, кто раньше был захвачен из числа самих римлян. На следующий день он стал приносить жертвы, справляя триумф по поводу этой победы, а к войску обра-

¹ По конъектуре Ниппердея: «второй».

тился с похвальной речью; после речи к воинам он обратился к горожанам и, напомнив им о подвигах Сципионов, стал отпускать пленных по их государствам, желая приобрести себе расположение этих городов. Он дал самую большую награду тому, кто первый поднялся на стену, поднявшемуся вторым—половину, третьему—третью часть, пропорционально и всем остальным. Всё остальное золото, серебро и слоновую кость он отправил в Рим на захваченных кораблях. В Риме были назначены жертвоприношения в течение трех дней: граждане радовались, что после многих бедствий и долгих тяжких лет вновь блеснуло им счастье, а вся Иберия и бывшие в ней пунийцы были поражены как величием, так и быстротой его смелого подвига.

24. Сципион оставил в Карфагене гарнизон и велел поднять ту часть стены, которая находилась со стороны морского прилива; остальную Иберию он подчинял власти римлян, частью обходя сам, частью посылая в отдельные области своих друзей; всё, что оказывало ему сопротивление, он покорял себе силой. У карфагян осталось двое полководцев, оба Гасдрубала. Один из них, сын Гамилькара, находился очень далеко, у кельтиберов, занимаясь набором солдат, другой же, сын Гисгона, разослал посольства по городам, оставшимся еще верными карфагянам, прося их сохранить свою преданность Карфагену, так как скоро придет войско, бесчисленное по своему количеству; кроме того, второго Магона он послал в ближайшие местности набрать новых солдат, откуда только он сможет. Сам он вторгся в землю отпавших от карфагян...¹, и собирался осаждать один из их городов. Так как к нему пришел слух (о внезапном приближении) Сципиона, то он удалился в Бэтику (Бэкилу) и стал лагерем перед городом. Здесь на следующий день он немедленно был побежден; Сципион захватил и его лагерь, и город Бэтику.

25. Тогда Гасдрубал стал собирать остающееся еще в Иберии карфагенское войско к городу Кармоне, чтобы вместе всеми силами напасть на Сципиона. И к нему собралось много иберов, которых вел Магон, много нумидийцев, во главе которых был Массинисса. Из них Гасдрубал с пехотой стал лагерем под прикрытием валов лагеря, а Массинисса и Магон, начальствовавшие у него над конницей, стали перед лагерем. При таком положении Сципион следующим образом разделил свою конницу: Лелия он направил против Магона, а сам обратился против Массиниссы. Некоторое время для Сципиона сражение было очень тяжелое, так как нумидийцы, обстреляв его, отступали, а затем опять налетали. Когда же Сципион дал приказ преследовать их без перерыва, после того как они пустят свои стрелы, то нумидийцы, не имея возможности повернуться, бежали в лагерь. Сципион, отступив на десять стадий, стал в крепко укрепленном лагере там, где он хотел. Всё войско врагов состояло из 70 000 пехоты, 5 000 всадников и 36 слонов. У Сципиона не было даже третьей части этого количества. Поэтому он некоторое время колебался, не начиная сражения, и ограничивался только небольшими стычками.

26. Когда у него стал ощущаться недостаток в продовольствии и стал чувствоваться голод в войске, Сципион счел для себя неприличным отступить. И вот, принеся жертвы и тотчас после жертвоприношения созвав всё войско на собрание, со взором и внешним видом опять как будто охваченный божеским наитием, он заявил, что ему явился обычный божественный голос и повелел итти на врагов. Нужно в дерзании больше уповать на бога, чем на численность войска. Ведь и в прежних боях они одолели, опираясь на божью помощь, а не в силу своей многочисленности. В подтверждение своих слов он велел гадателям (гаруспексам) принести на

¹ Лерсагентов (Бек); лузитанцев (Швейгхейзер); карпетанцев (Ниппердей).

собрании жертвы. Когда он это говорил, он увидел каких-то птиц, летевших мимо, и полный воодушевления, с громким криком он, тотчас обратившись к солдатам и показывая на них, сказал, что и их боги послали ему как знамение победы. Он повернулся к ним, как бы в исступлении глядя и крича. И всё войско, следуя фантазиям своего предводителя, поворачивавшегося то туда, то сюда, тоже поворачивалось вместе с ним, и все, воспламененные, считали победу уже у себя в руках. Когда Сципион увидел, что все настроены так, как он бы хотел, не стал откладывать дела, не позволил, чтобы спало воодушевление, но, как бы всё еще находясь под божественным наитием, сказал, что необходимо при таких знаменьях немедленно вступить в бой. Он велел им поесть и вооружаться и повел их прямо на врагов, не ожидавших ничего подобного, поручив команду над конницей Силану, а над пехотой Лелию и Марцию.

27. Гасдрубал, Магон и Массинисса при таком внезапном наступлении Сципиона, так как между ними было не более 10 стадий, хотя войско их еще ничего не ело, стали вооружаться со всей поспешностью, среди смятения и крика. Когда одновременно произошло и конное, и пешее сражение, римская конница одержала победу при помощи того же приема, как и в прошлый раз, преследуя и не давая передышки нумидийцам, привыкшим то отступать, то нападать. Благодаря близкому расстоянию им были бесполезны их дротики. Но пехота вследствие численного превосходства карфагенян была в тяжелом положении и в течение всего дня она терпела поражение. Хотя Сципион объезжал их и убеждал, дело не менялось до тех пор, пока он, передав своего коня сопровождавшему его рабу и взяв щит у кого-то из воинов, не бросился, как был, один, в середину между врагами с криком: «Помогайте, римляне, вашему Сципиону, находящемуся в опасности!» Тогда те, которые, стоя близко, увидели, какой опасности он подвергается, а стоявшие далеко услышали об этом, все вместе под влиянием стыда и в страхе за своего вождя бросились на врагов с криком «ура» («алала») и великим напором, которого карфагеняне не выдержали и отступили, так как одновременно они стали уже терять и силы, не евши до самого вечера. И тут за короткое время произошло страшное их избиение. Таков был для Сципиона результат битвы при Кармоне, долгое время бывшей для него нерешительной и опасной. В ней римлян погибло 800 человек, а неприятелей 15 000.

28. После этого карфагеняне всё время спешно отступали, а Сципион их преследовал, нанося им поражения и причиняя всякого рода неприятности всякий раз, как их настигал. Когда же они заняли какое-то очень укрепленное местечко, где было много и воды, и продовольствия и где нужно было перейти только к длительной осаде, так как Сципиона звали другие неотложные дела, то он оставил Силана вести их осаду, сам же стал обходить остальную часть Иберии и подчинял ее римлянам. Осажденные Силаном карфагеняне вновь стали отступать по направлению к проливу, пока не прибыли к Гадейре, а Силан, насколько было у него сил, наносил им частичные поражения; затем он вернулся в (Новый) Карфаген и соединился со Сципионом. Гасдрубала же, сына Гамилькара, который еще набирал войска в районе северного океана, брат его Ганнибал настойчиво звал спешно вторгнуться в Италию. И вот он, чтобы обмануть Сципиона, перешел, двигаясь вдоль берегов северного океана, Пиренейские горы и пошел по земле галатов (галлов) с тем наемным войском, которое он набрал у кельтиберов.

Таким образом Гасдрубал шел в Италию, причем итальянцы ничего не знали об его походе.

29. Люций, вернувшись из Рима, сообщил Сципиону, что в Риме имеют в виду направить его в качестве главнокомандующего в Ливию. Это было

то, чего он сам желал больше всего, и надеясь, что это так и будет, он предварительно послал в Ливию на пяти кораблях Лелия к царю Сифаксу с подарками, чтобы напомнить ему о дружбе Сципионов к нему и с просьбой от имени римлян, чтобы, если они придут в Ливию, содействовать им, как его союзникам. Сифакс обещал это сделать, принял подарки и, в свою очередь, послал от себя другие. Узнав об этом, карфагеняне и сами отправили к Сифаксу посольство, чтобы вести переговоры о союзе. Получив об этом известие и считая очень важным приобрести и закрепить для себя дружбу с Сифаксом против карфагенян, Сципион сам отправился к нему на двух кораблях вместе с Лелием.

30. Когда он приближался к берегу, карфагенские послы, еще бывшие у Сифакса, тайно от царя, вышли против него на своих военных кораблях с враждебными целями. Но Сципион, пользуясь парусами, бесстрашно проплыл мимо них и пристал к берегу. Сифакс дружески принял их обоих и, наедине встретившись с ним, заключил союз и дал ему клятву, а затем отпустил назад, карфагеняне же, которые опять хотели устроить ему засаду, он удерживал у себя, пока Сципион не оказался в безопасной для себя части моря. Такой опасности подвергся Сципион, когда он плыл к Сифаксу и при обратном плавании. Говорят, что на пиру у Сифакса он возлежал на одном ложе с Гасдрубалом. Гасдрубал, расспрашивая его о многом, был поражен его выдержкой и тактом и сказал своим друзьям, что этот человек внушает страх не только на войне, но и на пиру.

31. В это время некоторые из кельтиберов и иберов продолжали оставаться на службе у Магона, хотя их государства перешли на сторону римлян. Напав на них, Марций убил из них 1 500 человек, остальные разбежались от него по городам. Других 700 всадников и 6 000 пехоты, которыми командовал Ганнон, он загнал на какой-то холм, откуда, лишённые всякого продовольствия, они отправили к Марцию послов вести переговоры о мире. Он велел им выдать ему Ганнона и перебежчиков и только тогда посылать своих послов. Они, действительно, схватили и выдали Ганнона, который был их начальником—он сам присутствовал тут и слушал это требование,—и перебежчиков. Но Марций потребовал и пленных. Получив и этих, он велел им всем принести назначенное количество денег в какое-то место на равнине: не подобает, говорил он, чтобы просящие пощады занимали более возвышенные места. Когда они сошли на равнину, Марций сказал: «Вы совершили заслуживающее смерти, вы, родина которых находится под нашей властью, предпочли вместе с врагами воевать против нас; но я разрешаю вам, сложив оружие, уйти невредимыми». Тут все с негодованием вместе закричали, что оружия они не отдадут. Произошел сильный бой. Половина кельтиберов, совершивших чудеса храбрости, была перебита, а другая половина спаслась к Магону. Он недавно на 60 военных кораблях прибыл, собираясь идти в лагерь Ганнона, но, услышав о его несчастной судьбе, он отплыл в Гадейру и, страдая от голода, ожидал, что будет дальше.

32. В то время как Магон оставался в бездействии, Силан был послан Сципионом подчинить власти римлян город Кастакс. Так как жители этого города были настроены против него враждебно, он стал под его стенами лагерем и донес об этом Сципиону. Сципион, послав вперед некоторые осадные машины, сам шел следом. Но на пути он напал на город Илиргию. Она при прежнем Сципионе была дружественна римлянам, когда же он был убит, то жители этого города тайно перешли на сторону карфагенян. Приняв к себе в стены римское войско, считавшее, что этот город им еще дружествен, они предали их всех карфагенянам. В возмездие за это Сципион, исполненный к ним гнева, взял этот город в четыре часа. Он сам был ранен в шею, но не прекращал битвы, пока не одержал побе-

ды. Из-за него, хотя никто им этого не приказывал, римское войско, оставив без внимания грабеж, избило всех подряд жителей, и детей, и женщин, пока, наконец, весь город не был сравнен с землею. Прибыв в Кастакс, Сципион разделил войско на три части и сторожил город, но не начинал битвы, давая жителям возможность передумать: он уже слышал, что у них есть такое намерение. Они, действительно, напав на гарнизон, который им мешал, и одолев его, передали город Сципиону. Сципион поставил им другой гарнизон, а город поручил управлению одного из их граждан, пользовавшегося хорошей репутацией. Сам он удалился в Карфаген, послав Силана и Марция к самому проливу с тем, чтобы они грабили всю эту область, как только могут.

33. Был город Астапа, всегда крепко державшийся на стороне карфагенян. Когда во время этого похода Марций осадил его, жители, ясно сознавая, что, если римляне их возьмут, то обратят в рабов, снесли на площадь всё свое имущество, обложили дровами и на этот костер велели взойти детям и женам. Затем они выбрали из своего числа 50 храбрейших и заставили их поклясться, что, когда несомненно городу будет грозить захват, они убьют женщин и детей, подожгут костер и зарежут самих себя. Призвав свидетелями всего этого богов, они сделали стремительное нападение из города на Марция, ничего подобного не ожидавшего; поэтому его легковооруженных и всадников они обратили в бегство. Но когда явились во всем оружии тяжеловооруженные легионы, то, хотя астапейцы совершили много подвигов, ибо сражались они с отчаянием, всё-таки римляне победили их благодаря своей многочисленности, так как в доблести астапейцы им не уступали. Они пали все, а выбранные 50 зарезали женщин и детей и, зажегши костер, сами бросились туда, сделав победу для врагов бесплодной. Марций, пораженный доблестью астапейцев не позволил произвести разрушение их домов.

34. После этого Сципион захворал, и во главе войска в лагере оставался Марций. Те из солдат, которые вследствие расточительности и разврата истратили всё то, что они добыли, считая, что они не получили никакого вознаграждения за свои труды в силу того, что они ничего не имеют теперь, а что Сципион приписывает себе все их подвиги и славу, отпали от Марция и стали лагерем сами по себе. К ним сбежалось много народу из гарнизонов; пришли также и от Магона с деньгами и убеждали их перейти на сторону Магона. Они, действительно, взяли деньги, выбрали себе из своей среды предводителей и начальников и, устроив всё остальное по собственному желанию, установили свои порядки и дали во всем взаимную клятву. Узнав об этом, Сципион посылает одни письма к восставшим, говоря, что вследствие болезни он не мог еще их вознаградить, а другие письма—другим, предлагая, чтобы они попытались переубедить тех, кто впал в такую ошибку. Наконец, всем вместе он посылает общее письмо, в случае, если бы они уже примирились, заявляя, что он хочет дать им заслуженные награды. Он велел им немедленно прибыть в Карфаген за хлебом.

35. Когда отпавшие познакомились с этими письмами, одни из них отнеслись к ним с подозрением, другие считали нужным верить и согласиться; в конце концов все вместе направились в Карфаген. Когда они подходили, Сципион поручил бывшим с ним сенаторам каждого из проходящих сюда начальников заговора принять как будто друга, мягко и доброжелательно с ним поговорить, пригласить к себе в дом и тайно от всех связать. Он поручил военным трибунам, чтобы каждый из них, имея при себе наиболее преданных воинов, вооруженных мечами, незаметно явился на рассвете и, заняв на некотором расстоянии один от другого удобные места на собрании, если кто будет подстрекать к возмущению,

тотчас же рубить и колоть их, не ожидая приказанья. Сам он, лишь только начался день, поднялся на кафедру и разослал глашатаев торопить на собрание. Хотя для воинов такое раннее приглашение на собрание было неожиданным, но они, стыдясь задерживать еще чувствовавшего себя больным главнокомандующего и считая, что он зовет их для раздачи наград, стали быстро собираться все вместе, одни не пристегнув своих мечей, а другие в одних только хитонах, не успев надеть на себя всей одежды.

36. Сципион, окруженный тайной охраной, прежде всего обратился к ним со словами порицания за то, что произошло, но затем сказал, что вину за всё это он возлагает на одних только начальников, «которых я и накажу при вашем содействии». И с этими словами он велел служителям раздвинуть толпу. Они стали раздвигать, а сенаторы повели виновных мимо солдат на середину собрания. Когда арестованные стали взывать к солдатам, а их сотоварищи стали призывать подать им помощь, тех, которые громко подавали свой голос, трибуны тотчас же убивали. Вся толпа, увидав, что собрание оцеплено вооруженными, хранила сумрачное спокойствие. Сципион же тех, кого притащили на середину, велел наказывать розгами, особенно сильно тех, кто взывал о помощи, затем, приказав прикрепить деревянными клиньями их шеи к земле, он велел отрубить им головы; остальным же он объявил, что им даруется прощение.

Так был усмирен мятеж в лагере Сципиона.

37. В это время Индибил, один из царьков, заключивших со Сципионом мирный договор, когда еще шел мятеж в римском войске, сделал набег на одну из областей, подчиненных Сципиону. Когда Сципион двинулся против него с войском, он смело выдержал бой с ним, убив 1 200 римлян, но, потеряв своих до 20 000, он отправил к Сципиону послов и просил о мире. И Сципион простил его, наложив на него денежный штраф.

Тайно от Гасдрубала переправился через пролив и Массинисса, заключил со Сципионом союз дружбы и клятвенно обязался, что будет ему помогать, если он придет с войском в Ливию. Массинисса поступил так, будучи человеком во всем остальном твердым своему слову, по следующей причине. Дочь Гасдрубала, когда Массинисса служил под его начальством, была просватана за Массиниссу. Но и царя Сифакса ранила стрела любви к девушке; карфагеняне, считая важным привлечь к себе Сифакса против римлян, выдали за него девушку, даже не уведолив об этом Гасдрубала. Когда это совершилось, Гасдрубал скрыл всё это от Массиниссы из стыда перед ним, Массинисса же, узнав об этом, заключил союз со Сципионом. Магон, командовавший карфагенским флотом, отчаявшись в данный момент получить удачу в Иберии, отплыл в Лигурию и там среди кельтов стал набирать войско.

Он находился там, когда гадейры, покинутые Магоном, сдались римлянам.

38. Начиная с этого времени, немного раньше 144-й олимпиады, у римлян установился обычай посылать ежегодно преторов для Иберии в захваченные под их власть области с тем, чтобы во время мира они были гармостями или наместниками в ней. Оставив им небольшое войско, как бы уже при наступлении мира, Сципион поселил в городе, который в честь Италии он называл Италикой, демобилизованных вследствие ран воинов. Этот город—родина Траяна и Адриана, впоследствии правивших в Риме как единодержавные императоры. Сам же Сципион отплыл в Рим с большим флотом, великолепно оборудованным и переполненным пленниками, богатствами, оружием и разнообразной добычей. Рим устроил ему блестящую встречу; его всюду восхваляли, как человека невероятной славы, вследствие его молодости, вследствие быстроты и величия его по-

двигов; даже его завистники признавали, что данное им раньше столь легкомысленное обещание он претворил в дело.

В то время как Сципион, вызывая всеобщее удивление, совершал свой триумф, Индибил по уходе Сципиона вновь изменил. Римские начальники (пропреторы) Иберии, собрав войско, сколько у них его было по гарнизнам; и получив другие вспомогательные отряды от подчиненных областей, нанесли ему поражение и убили его. Виновников измены они привлекли к суду и казнили, имущество их конфисковали, а на те племена, которые поднялись вместе с ним, они наложили денежный штраф, лишили их права иметь оружие, потребовали заложников и поставили у них более сильные гарнизоны.

Вот что случилось сейчас же после ухода Сципиона из этой страны, и на этом окончился первый поход римлян на Иберию.

39. Впоследствии, когда римляне воевали с кельтами около реки По и с Филиппом Македонским, иберы, воспользовавшись тем, что у римлян не было времени обращать на них внимание, вновь совершили переворот. Против них были посланы из Рима начальниками в этой войне Семпроний Тудитан и Марк Гельвий, после них Минуций. Так как движение становилось всё шире, то после Минуция с большей военной силой был послан Катон; он был очень юн, но суров и трудолюбив и отличался таким умом и красноречием, что за его речи римляне называли его Демосфеном, зная, что лучшим у греков оратором был Демосфен.

40. Когда Катон пристал к берегам Иберии у, так называемого, Эмпория, враги со всех сторон собрались против него в количестве 40 000. Дав короткий срок войску, чтобы привести себя в порядок, решив вступить с врагами в сражение, он отправил в Массалию все корабли, которые у него были, и указал войску, что не то страшно, что неприятели превосходят их численностью,—ведь смелость духа всегда преодолевает самую большую численность,—«но то», говорил он, «что у нас нет кораблей, а значит, нет и надежды на спасение, если мы не победим». Сказав это, он тотчас повел их на бой, не исполнив войско надеждами на успех, как другие полководцы, но внушив ему страх. Когда начался рукопашный бой, он был всюду, ободряя, внушая отвагу. Когда битва шла с нерешительным результатом до позднего вечера и уже много пало и с той, и с другой стороны, он поднялся с тремя когортами оставленных в резерве войск на какой-то высокий холм, чтобы посмотреть на всё поле битвы сразу. Когда он увидел свой центр особенно тесным, он бросился к ним, сам в первых рядах подвергаясь опасности. Своим нападением и криком он привел в беспорядок врагов и положил тем начало победе. Преследуя врагов всю ночь, он овладел их лагерем и произвел среди них большое избиение. Когда он возвращался назад, сражавшиеся с ним сотоварищи, радуясь, восхваляли его как вождя в этой победе. После этого он дал войску отдых и продал добычу.

41. Когда к нему отовсюду стали приходиться посольства, он потребовал еще других заложников и в каждое государство стал рассылать запечатанные письма, и тем, которые их несли, всем велел отдать их в один и тот же день. Он точно установил этот день, рассчитав, чтобы они могли дойти до самого отдаленного города. Каждое письмо приказывало властям этих городов срыть свои стены в тот самый день, когда они получают это письмо; а если они отложат выполнение этого хотя бы на один день, он грозил им обращением в рабство. Они, недавно побежденные в большом сражении, находясь в неведении, им ли одним или всем послан такой приказ, боялись, так как, если это относится к ним одним, то они ведь одни слишком слабы; если же ко всем, то как бы не оказаться позади всех, замедлив выполнение. У них не было времени обменяться друг с другом посольствами, они опа-

сались и тех воинов, которые принесли эти письма и настаивали на их исполнении; поэтому все они, поставив выше всего свою личную безопасность, поспешно стали разрушать свои стены. А раз уже решили послушаться, то у них появилось стремление успеть сделать это скорее других.

Так все города, лежавшие по реке Эбро, в один день, по одному хитрому военному плану, сами разрушили свои собственные стены и, став на будущее время более доступными для римлян, на долгое время остались спокойными.

42. Позднее, спустя олимпиады четыре, около 150-й олимпиады, многие из иберов, не имея земли, отпали от римлян, в том числе и лузоны, которые жили около Эбро. Двинувшись против них с войском, консул Фульвий Флакк победил их в сражении. Многие из них рассеялись по городам. А те, кто совсем не имел земли и добывал средства к существованию, ведя бродячий образ жизни, все бежали в город Комплегу, который был недавно построен, укреплен и быстро разрастался. Сделав его своей военной базой, они обратились к Флакку с приказом дать им за каждого из убитых в прошлом бою по плащу, коню и мечу, а самому возможно скорее уходить из Иберии, прежде чем он испытает что-либо для себя тяжелое. Он ответил им, что принесет им много плащей, и следом за их послами подошел к городу и стал лагерем. Они же, вопреки своим угрозам, тотчас бежали оттуда и занялись грабежом соседних варваров. Они носят двойные толстые гиматии (накидки), застегивая их застегками, вместо хламид, и это они называют плащами (sagum).

43. Преемником Флакка по власти над войском прибыл Тиверий Семпроний Гракх. В это время 20 000 кельтиберов осаждали Каравис, город дружественный римлянам. По слухам еще вот-вот должны были взять. Поэтому Гракх очень спешил притти на помощь городу; но хотя он и зашел в тыл неприятелям, но не мог сообщить городу о своем прибытии. Тогда один из начальников конной части (турмы), Коминий, поразмыслив сам с собой и сообщив Гракху свой смелый план, застегнул по-иберийски свой плащ и, незаметно вменявшись в ряды неприятельских фуражиров, вошел с ними как ибер в лагерь, а затем, перебежав в Каравис, сообщил им, что прибыл Гракх и идет к ним. Они действительно спаслись, выдержав осаду, пока на третий день к ним не пришел Гракх, и осаждавшие не удалились. Но в это время 20 000 человек из Комплеги сделали набег на лагерь Гракха, неся в руках просительные ветви, а приблизившись внезапно напали на него и привели римлян в беспорядок. Но Гракх искусно покинул на их власть свой лагерь и сделал вид, что бежал; затем, повернув назад, напал на занятых грабежом, очень многих убил, захватил Комплеги и окружающие места. Он поселил здесь нуждающихся в земле и нарезал им участки. Всем живущим здесь он дал точный устав и условия, на которых они в будущем могут оставаться друзьями римлян. Он сам принес клятву и получил от них присягу. Такого договора в позднейших войнах многие неоднократно и очень добивались. За это и в Иберии, и в Риме Гракх стал широко известен и блестяще справил свой триумф.

44. Немного лет спустя возгорелась в Иберии другая, тяжелая война по следующему поводу. Был город Сегеда в области кельтиберов, так называемых, беллов, город большой и сильный. Он принял гракховы условия мира и союза с римлянами. Этот город переселил в свои стены более слабые города, воздвиг стену в 40 стадий в окружности и принуждал к этому союзу другое соседнее племя, титфов. Услыхав об этом, римский сенат запретил им воздвигать стену, потребовал уплаты налогов, которые были определены при Гракхе, и приказал участвовать в походах вместе с римлянами. Так действительно гласили пункты гракховского договора. Что касается возведения стен, то они сказали; что в силу гракховского

договора запрещается кельтиберам строить новые города, но не укреплять уже существующие. Что же касается налогов и несения военной службы, то, сказали они, римляне сами после Гракха отказались от своих требований. И действительно, эти повинности были сложены, но сенат, давая такие привилегии, всегда прибавлял, что они будут действительны, «пока это будет угодно сенату и римскому народу».

45. Главнокомандующим против них был послан Нобилиор с войском без малого в 30 000. Когда сегединцы узнали, что он приближается, так как они не успели еще закончить стену, они вместе с женами и детьми бежали в область аруаков (ареваков) и умоляли аруаков (ареваков) принять их к себе. И они приняли их и выбрали себе военачальником Кара из Сегеды, который считался человеком, хорошо знающим военное дело. На третий день после своего избрания он посадил в засаду 20 000 пехоты и 5 000 конницы и напал на проходивших мимо римлян, и в этой битве, долгое время бывшей нерешительной, он одержал блестящую победу. Римляне потеряли до 6 000 римских граждан: столь великое несчастье постигло Рим в этот день. Когда после победы Кар преследовал врагов, не сохраняя порядка в своих войсках, римские всадники, охранявшие обоз, сделали на него нападение, и убили самого Кара, несмотря на то, что он совершил чудеса храбрости, и многих других вместе с ним. У кельтиберов было убито не меньше 6 000. Наступившая ночь прекратила сражение. Это было в тот день, когда римляне справляют праздник в честь Гефеста (Вулкана). Потому-то с этого времени ни один римский полководец не начнет битвы в этот день, если не будет к этому принужден.

46. Аруаки тотчас же тою же ночью собрались в Нуманцию, которая у них была самым сильным городом, и выбрали себе вождами Амбона и Левкона. Три дня спустя пришел к ним Нобилиор и стал лагерем в расстоянии 24 стадий. К нему прибыло 300 нумидийских всадников, которых послал к нему Массинисса, и 10 слонов. Двинув свое войско против врагов, он вел этих животных позади, скрыв их в ариергарде. Когда начался рукопашный бой, то его солдаты расступились, и животные внезапно появились перед врагами. Кельтиберы, и сами, и их кони, никогда прежде не видавшие слонов на войне, пришли в смятение и бежали в город. Нобилиор повел этих слонов к самым стенам и вел удачно бой до тех пор, пока один из слонов, пораженный большим камнем, упавшим ему на голову, не пришел в ярость и, страшно заревев, не повернулся на своих же и стал убивать всякого, попадавшегося ему на пути, не разбирая врагов и друзей. Другие слоны, приведенные в беспокойство его ревом, все стали делать то же, что и он, топтать, рубить и подбрасывать кверху. Перепуганные слоны обыкновенно это и делают и всех считают своими врагами. Поэтому некоторые, чувствуя к ним из-за этого недоверие, называют их «общими врагами». Тут началось нестройное бегство римлян. Увидав всё это, нумантинцы быстро вышли из-за стен и преследуя убили тысячи четыре воинов и трех слонов и захватили много оружия и военные знамена. Кельтиберов было здесь убито около 2 000.

47. Едва придя в себя после понесенного поражения, Нобилиор попытался завладеть провиантскими запасами врагов, собранными у города Аксиния, но не имел успеха и, потеряв также и здесь много воинов, ночью ушел в лагерь. Отсюда он послал Биезия¹, начальника конницы, за вспомогательным войском к какому-то соседнему племени, прося у них всадников. Они послали с ним отряд всадников. При их возвращении кельтиберы устроили против них засаду. Когда эта засада была обнаружена, союзники разбежались, а Биезий и с ним много римлян, храбро сражаясь, погибли.

¹ У Секунда он называется Блезием, совершенно неизвестная личность.

Ввиду таких частых поражений, постигавших римлян, (даже) город Хокилис, где у римлян хранились запасы продовольствия и деньги, перешел на сторону кельтиберов. Нобилиор, потеряв надежду в чем-либо добиться успеха, не доверяя никому, проводил зиму в лагере, устроив, насколько мог, крытые помещения; он держал запасы в самом лагере и страдал как от недостатка самих запасов, так и от снежных заносов и жестокости морозов, так что многие из воинов погибали, собирая дрова, а другие в самом лагере умирали от недостатка (питания) и холода.

48. В следующем году преемником Нобилиору по командованию был назначен Клавдий Марцелл. Он прибыл, имея с собой 8 000 пехоты и 500 всадников. Хотя и против него враги устроили засаду, но, двигаясь осторожно, он невредимо привел всё войско к городу Хокилису и стал там лагерем. Будучи в военных делах искусным и счастливым полководцем, он тотчас заставил сдать этот город и даровал ему прощение, потребовав от жителей нескольких заложников и тридцать талантов серебра. Узнав об его такой снисходительности и умеренности, нергобриги отправили к нему послов спросить, что они должны сделать, чтобы получить от него мир. Когда он велел им прислать 100 всадников, которые должны будут служить у него, они обещали дать; но, с другой стороны, они напали на его арриергард и несколько пограбили его обоз. После этого прибыли те, которые по договору привели с собой сто всадников; относительно же случая в арриергарде они сказали, что это ошибка некоторых не знавших о договоре. Но Марцелл арестовал этих сто всадников, лошадей их продал и, пройдя по равнине, <разграбил ее и> добычу разделил между воинами, а город осадил. Увидав, что он пододвигает к стенам осадные орудия и делает насыпи, нергобриги послали к нему глашатая—его знаком вместо кадуцей была волчья шкура—и просили у него прощения. Но Марцелл сказал, что не простит их, если об этом прощении не будут просить вместе с ними все аруаки, беллы и титфии. Узнав об этом, данные племена охотно отправили к Марцеллу послов и просили его наложить на них умеренное наказание и разрешить принять формулу Гракховского договора. Но на это возражали некоторые из местных племен, с которыми у них недавно была война.

49. Марцелл отправил послов, и тех, и других, в Рим с тем, чтобы они (там, перед сенатом) препирались между собою, а от себя написал сенату, прося заключить этот договор: он хотел, чтобы эта война окончилась за время его командования, считая, что и за это он получит достойную славу. Из послов тех, которые были из дружественной страны, сенат допустил в город и встретил как друзей, а послы от врагов по обычаю остановились вне стен Рима. Отвергнув предложение о мире и недовольный тем, что они не сдались римлянам, как этого требовал от них Нобилиор, бывший главным командующим до Марцелла, сенат ответил, что решение сената сообщит им Марцелл. И тогда римляне в первый раз назначили войско в Иберию по жребию, а не по набору. Так как многие жаловались, что консулы несправедливо записывают в войска и некоторых лиц зачисляют в более легкие походы, было решено набрать это войско по жребию. Во главе этого войска был поставлен консул Лициний Лукулл; в качестве легата он имел при себе Корнелия Сципиона, который немного времени спустя взял Карфаген, а несколько позднее Нуманцию.

50. Пока Лукулл готовился к отправлению, Марцелл предупредил кельтиберов о предстоящей им войне и по их просьбе отдал им заложников. Того, кто в Риме выступал от имени кельтиберов, он частным образом пригласил к себе и долго беседовал с ним. Вследствие этого уже тогда явилось подозрение—оно подтвердилось многим в дальнейшем,—что он убеждал кельтиберов поручить себя его решению; к этому его побуждало

желание закончить войну до прибытия Лукулла. Ведь после этой беседы 5 000 аруаков заняли Нергобригу, а Марцелл удалился к Нуманции, стал там лагерем на расстоянии 5 стадий и преследовал их, загоняя в город до тех пор, пока востоя нумантинцев Литеннон, остановившись, не закричал, что он хочет вступить с Марцеллом в переговоры. Встретившись с ним, он сказал, что беллы, титфии и аруаки отдают себя в руки Марцелла. Марцелл с радостью услышал это, потребовал от всех заложников и денег и получив отпустил их свободными.

Таким образом, война с беллами, титфиями и аруаками окончилась до прибытия Лукулла.

51. Лукулл, жаждая славы и по своей бедности нуждаясь в добыче, вторгся в пределы ваккеев, другого племени кельтиберов, которые были соседями аруаков, хотя он не имел на это мандата от сената, да и ваккеи не вели войны с римлянами и ни в чем не провинились по отношению к самому Лукуллу. Перейдя через реку, называемую Тагом, он подошел к городу, по имени Кавка, и стал там лагерем. Они спросили Лукулла, чего ради пришел он сюда, что ему нужно и почему надо вести войну. Он ответил, что пришел он, помогая карпетанцам, которых обижают ваккеи. Тогда они удалились в город, а на его воинов, занятых собиранием дров и фуража, они сделали нападение. Они убили многих, а остальных гнали до самого лагеря. Когда дошло до регулярного сражения, то ваккеи, похожие по своему вооружению на легковооруженные римские отряды, по большей части одолевали войска Лукулла до тех пор, пока у них не истощился запас дротиков; тогда они обратились в бегство, не будучи привычны к длительному (тяжеловооруженному) бою; и когда они, оттесненные, столпились у ворот, их было убито около 3 000.

52. На следующий день старейшины ваккеев, с венками на головах и неся как молящие ветви оливы, явились к Лукуллу и вновь спросили его, что им сделать, чтобы заслужить его дружбу. Он потребовал от них заложников и сто талантов серебра и приказал, чтобы их всадники участвовали в его походах. Когда он всё это получил, он потребовал, чтобы ваккеи приняли в город гарнизон. Когда они и на это согласились, он ввел туда 2 000 отборных по своей доблести воинов, приказав им, как только войдут в город, занять стены. Когда этот двухтысячный отряд занял стены, то Лукулл ввел в город всё остальное войско и трубным звуком дал знак к поголовному истреблению жителей, не щадя ни пола, ни возраста. Они, взывая к слову чести и к богам, свидетелям клятв, и понося римлян за неверность и предательство, погибали жестокой смертью. Из 20 000 человек через ворота на крутой стороне города бежали очень немногие. Город Лукулл разграбил и тем покырил имя римлян позором и поношением. Остальные варвары стали убегать с равнин—одни в недоступные горные места, другие в крепко защищенные города, унося с собой всё, что возможно, и сжигая то, что оставалось, так, чтобы Лукулл уже ничего не мог себе найти для добычи.

53. Пройдя большое количество земель совершенно пустынных, Лукулл подошел к некоему городу Интеркации, куда сбежалось свыше 20 000 пехотинцев и 2 000 всадников. И им Лукулл, по неразумию, предложил заключить договор с ним; они же, позоря его, напоминали ему его поступок с ваккеями и спрашивали, дает ли он и им тоже слово чести и верности? Как это всегда бывает с неправильно поступившими, вместо того, чтобы обвинять самого себя, он рассердился на бранивших его. Он до тла уничтожил всё на их равнинах и, окружив город кольцом, стал делать большие насыпи и постоянно выводил войска, вызывая их на бой. Но они еще не выходили на правильное сражение и вели только мелкие стычки. Очень часто один из варваров выезжал верхом на коне в середину между войсками, в блестя-

щем оружия, и вызывал желающего из римлян вступить с ним в единоборство; так как никто не отвечал на его вызов, то, издеваясь и делая презрительные жесты, он удалялся. Это происходило не раз. Сципиона это очень задело и, хотя он был очень молод, вскочив на коня, он принял этот вызов на единоборство и счастливо одолел этого огромного мужа, будучи сам небольшого роста.

54. Этот подвиг Сципиона поднял дух римлян. Однако ночью они были охвачены великими страхами: всадники варваров, которые до прибытия Лукулла ушли для заготовки фуража, не имея возможности войти в город, так как доступ к нему кругом был заперт осадившим его Лукуллом, мечась вокруг и поднимая крик, привели всех в волнение; запертые в городе отвечали им теми же криками. От всего этого римлян охватил всякого рода страх. Они страдали и от бессонницы во время охраны и от необычайности местной пищи: у них не было вина, соли, уксуса, растительного масла; питаясь пшеницей и ячменем, большим количеством мяса оленей и зайцев, печеным без соли, они страдали расстройством желудка, и многие из них умирали от этого. Но, наконец, насыпь поднялась уже высоко, и стены врагов, потрясаемые осадными орудиями, отчасти уже развалились, — и римляне ворвались в город. Но вскоре они были вытеснены и отступая по незнанию места попали в какую-то цистерну с водой. Там их погибло много. Ночью варвары восстановили упавшие стены. Так как с обеих сторон несли достаточно страданий, так как голод мучил и тех, и других, то Сципион поручился перед варварами, что ничего не будет сделано против условий договора. Заслужив доверие в силу своей доблести, он дал возможность окончить эту войну на условиях, что интеркратийцы дадут Лукуллу 10 000 плащей, определенное количество мелкого скота и 50 человек заложников. Золота же и серебра, которого требовал Лукулл, — ведь ради этого он и войну-то начал, полагая, что вся Иберия полна золотом и серебром, — он не получил: они их не имели, да кельтиберы их и не ценят.

55. Затем Лукулл двинулся на город Палланцию, который имел большую славу доблести и многие бежали в этот город. Поэтому многие советовали Лукуллу уйти отсюда, не делая даже попытки его завоевать. Но он, узнав, что этот город богат золотом, не хотел уходить до тех пор, пока жители Палланции не стали теснить его частыми конными нападениями и не стали препятствовать ему добывать хлеб. Поставленный в затруднительное положение с продовольствием, Лукулл отступил, ведя войско, построенное в карре, причем даже тогда паллантийцы преследовали его до реки Дория, откуда паллантийцы ночью ушли назад, а Лукулл, перейдя в землю турдетан, там зазимовал. Это был конец войны с ваккеями, которую Лукулл вел без приказа римского народа. Но за это Лукулл не был даже привлечен к судебной ответственности.

56. В это же время жители другой части автономной Иберии, называемые лузитанцами, под начальством Пуника стали грабить земли римских подданных и, обратив в бегство римских военачальников (пропреторов) Манилия и Кальпурния Пизона, убили до 6 000 римлян, в их числе квестора Теренция Варрона. Воодушевленный этой победой, Пуник быстро прошел вплоть до океана и, присоединив к своему войску веттонов, стал осаждать римских подданных, так называемых, бластофиникийцев («отпрыски финикийцев»), которых, говорят, в этих местах поселил карфагенянин Ганибал, выведя их в некотором количестве из Ливии, почему они и получили такое имя. Пуник, раненый камнем в голову, умер; его власть наследовал человек с именем Цезарь. Этот Цезарь вступил в бой с Муммием, прибывшим из Рима с другим войском, но побежденный им бежал. Но когда Муммий вел свои войска без боевого порядка, Цезарь повернувшись напал

на него и убил до 9 000 человек. Он сохранил добычу, полученную при прежних грабежах, и свой собственный лагерь; напротив, римским лагерем он завладел и его разграбил, захватив много оружия и знамен. Впоследствии варвары в насмешку носили их по всей Кельтиберии.

57. С остальными 5 000 Муммий держался в лагере, занимаясь военными упражнениями. Естественно, что он боялся выйти в поле прежде, чем укрепит настроение своих солдат, испуганных поражением. Улучив момент, когда варвары уносили часть награбленной добычи, он неожиданно напал на них и, перебив многих, отнял добычу и знамена. Те из лузитанцев, которые жили по ту сторону реки Тага, в свою очередь, начав войну с римлянами под начальством Кавцена, стали грабить кунеев, подданных римского народа, и взяли большой их город, Конисторгис. Они дошли до океана, у Геракловых Столбов, и одни из них перешли в другую часть Ливии (?), а другие стали осаждать город Оцилу. Муммий с 9 000 пехоты и 500 всадников убил до 15 000 из числа тех, кто опустошал эту землю, и некоторых других и освободил Оцилу от осады. Встретившись и с теми, которые несли то, что они раньше награбили, он перебил их всех, так что не осталось даже вестника этого поражения, который мог бы убежать и сообщить об этом. Раздав воинам добычу, которую можно было унести, остальное он сжег, посвятив богам войны.

Совершив такие подвиги, Муммий вернулся в Рим и справил триумф.

58. Его преемником в Иберии был Марк Атилий, который, сделав набег, убил 700 человек лузитанцев и взял очень большой город, имя которому было Оксфраки. Всем этим он соседние области привел в такой страх, что все они сдались ему по договору. В числе их были некоторые племена веттонов, соседние с лузитанцами. Когда Атилий вернулся назад, собираясь стать на зимние квартиры, все тотчас отпали и стали осаждать некоторых римских подданных. Стремясь спасти их от этой осады, преемник Атилия по командованию Сервий Гальба, пройдя в один день и ночь 500 стадий, внезапно является к лузитанцам и тотчас же [не дав отдыха войскам] выстроил боевой строй, хотя войско его было утомлено. Счастливо обратив врагов в бегство, он, неопытный в военных делах, слишком далеко преследовал бегущих. Когда вследствие утомления солдат преследование шло слабо и беспорядочно, варвары, увидав их рассеянными и группами сядившимися отдыхать, собравшись вместе, напали на римлян и убили тысяч семь. Гальба с бывшими около него всадниками бежал в город Кармону, куда стал собирать разбежавшихся; собрав тысяч двадцать союзников, перешел в область кунеев и зимовал в Конисторге.

59. Лукулл, который вел войну с ваккеями без разрешения римского народа, зимую тогда в области турдетанов, услышав, что лузитанцы напали на своих соседей, послав лучших из своих военачальников, убил до 4 000 лузитанцев. Из других, прорвавшихся до пролива у Гадейры, он убил до 1 500 человек, а остальных, бежавших вместе на какой-то холм, он окружил валом и взял бесчетное число людей. Пройдя по Лузитании, он по частям подверг ее разграблению. С другой стороны, грабил ее и Гальба. Когда некоторые из них прислали к нему послов и желали твердо выполнять то, что они обещали в силу договора с Атилием, его предшественником по командованию, но затем нарушили, он принял их и согласился на договор и сказал, что он сочувствует им, принужденным и заниматься грабежом, и воевать, и нарушать договоры из-за нужды. «Ваши неплодородные земли», сказал он, и «ваша бедность побуждает вас к этому. Раз вы стали друзьями, то своим нуждающимся друзьям я дам хорошую землю и поселю вас, разделю на три части, среди богатого населения».

60. Надеясь на эти обещания, они покинули места, где находились, и собирались туда, куда им приказал Гальба. Он разделил их на три части

и, указав каждой из этих частей отдельную долину, велел ждать его на этом месте, пока он не придет и не укажет им место для поселения. Когда он прибыл к первой части, он велел им, как друзьям, сложить оружие, а когда они сложили, он окружил их рвом и, послав на них часть своих воинов с мечами в руках, велел всех избить, хотя они плакали и взывали к имени богов и к святости данных клятв. Таким же образом со всей поспешностью он уничтожил и вторую, и третью часть, стараясь, чтобы они не узнали о беде, постигшей предшествовавших, на предательство отбивая предательством, подражая в этом варварам, но недостойно римлян. Немногие из них бежали; в числе их был Вириат, который немного спустя стал вождем лузитанцев, истребил многих из римлян и совершил величайшие подвиги. Но так как это было позднее, то я и расскажу об этом позднее. Тогда же Гальба, о котором я говорил, являясь еще более алчным, чем Лукулл, немного из добычи роздал солдатам, немного дал друзьям, всё же остальное присвоил себе, хотя он являлся богатейшим из всех римлян. Говорят, что и во время мира он не отказывался от лжи и клятвопреступлений во имя наживы. Ненавидимый всеми и привлеченный к суду, он спасся от осуждения благодаря своему богатству.

61. Немного позднее те, кто ускользнул от этого незаконного и варварского истребления, устроенного Лукуллом и Гальбой, собравшись вместе в числе тысяч десяти, сделали набег на область турдетанов. На них, занятых фуражировкой и грабежом, напал прибывший из Рима с новым войском Гай Ветилий. Присоединив те войска, которые оставались в Иберии, он получил всего до 10 000; в бою многих из лузитанцев он убил, а остальных загнал в какое-то место, где в случае, если они останутся, им грозила гибель от голода, а если попытаются уйти, то—от римлян: настолько это место было неудобно. Поэтому они направили послов к Ветилию с молитвенными ветвями, прося у него земли для поселения и обещая, что с этого времени они будут во всем покорны римлянам. Ветилий обещал им дать, и на этом они тут же заключили договор. Но Вириат, бежавший от бесчестного избиения, произведенного Гальбой, бывший тогда в их среде, стал напоминать им о вероломстве и предательском образе действий римлян, о том, сколько раз, дав клятву (верности), они нападали на них, и что «всё это войско—остатки тех из нас, которые бежали от клятвопреступлений Гальбы и Лукулла». Если они хотят его слушаться, сказал он, то есть надежда спастись и уйти из этого места.

62. Подняв у них настроение и внушив надежду на спасение, Вириат был выбран их начальником. Тогда он велел всем им выстроиться во фронт, как бы для битвы, и затем приказал, когда они увидят, что он сел на коня, разбившись на массу групп, бежать, как кто может, по разным дорогам в город Триболу, и там его ожидать; тысяче же отборных воинов он велел оставаться с ним. Когда всё это было сделано, одни из них бежали, как только Вириат вскочил на коня, Ветилий же, боясь преследовать их, разбившихся на много групп, обратился против Вириата, который стоял и выжидал, не представится ли какого благоприятного момента, и вступил с ним в сражение. Но Вириат, имея очень быстрых коней, всё время его беспокоил, то отступая, то вновь останавливаясь и наступая; в таких быстрых передвижениях по этой равнине он провёл весь этот и следующий день. Когда же он решил, что остальные бежавшие находятся в безопасности, тогда, двинувшись ночью по непроторенным дорогам, на своих крайне выносливых конях бежал в Триболу. Римляне не могли преследовать его с равной скоростью вследствие тяжести своего оружия, незнания путей и несходства по качеству коней. Таким образом сверх всякого ожидания Вириат спас войско, уже потерявшее уверенность в себе. Слава об этой военной хитрости распространилась среди тамошних варваров и высоко

поставила его в их глазах; многие со всех сторон стали собираться к нему. Восемь лет воевал он с римлянами.

63. Но о войне с Вириатом, бывшей для римлян очень затруднительной и потребовавшей для ее окончания много сил, я решил рассказать отдельно, собрав все факты воедино, а также и то другое, что произошло в это же время в Иберии.

Преследуя Вириата, Ветилий двинулся на Триболу, Вириат же, скрыв по зарослям засаду, бежал. Когда Ветилий проехал эти заросли, то Вириат, повернувшись, сам стал нападать на него, и из засады выскочили те, которые были там скрыты. С обеих сторон они стали избивать римлян, брать их живыми в плен и сталкивать в пропасти. Был взят живым в плен и сам Ветилий; но взявший его в плен, не зная его в лицо, видя очень толстого старика, убил его, как ничего не стоящего. Из 10 000 римлян едва 6 000 успели бежать в Карпесс, город, расположенный у моря. Я лично считаю, что некогда эллинами он назывался Тартессом. В нем царствовал Аргантоний, который, говорят, дожил до 150 лет. Бежавших в Карпесс квестор, который был с Ветилием, поставил по стенам еще охваченных страхом. Затребовав и получив от беллов и титфиев 5 000 союзных воинов, он направил их против Вириата. Но он истребил их всех до одного, так что не осталось в живых даже, кто мог бы явиться вестником этого поражения. Квестор тихо сидел в этом городе, ожидая какой-либо помощи из Рима.

64. Вторгшись в Карпетанию, очень плодородную область, Вириат без жалости опустошал ее, пока не прибыл из Рима Гай Плавций с 10 000 пехоты и 1 300 всадниками. Тогда Вириат опять притворно изобразил бегство, и когда Плавций послал около 4 000 воинов преследовать его, Вириат повернувшись уничтожил всех, за исключением очень немногих. Перейдя реку Таг, он стал лагерем на горе, густо заросшей оливковыми деревьями; она называлась горой Афродиты. Там его захватил Плавций и, желая загладить свое поражение, вступил с ним в бой. Но он был побежден, причем произошло большое избиение, и беспорядочно бежал с войском в окружные города и в середине лета стал зимним лагерем, не смея никуда двинуться. А Вириат, безбоязненно проходя по всей стране, требовал у владельцев определенного налога со злаков, а от кого не получал, поля тех он опустошал.

65. Когда об этом узнали римляне в городе, они решили послать в Иберию Фабия Максима Эмилиана, сына того Эмилия Павла, который взял в плен македонского царя Персея, и поручили ему самому произвести набор. Зная, что римляне еще так недавно завоевали Карфаген и Элладу и привели к благополучному концу третью войну в Македонии, щадя людей, которые только что вернулись с этих войн, он стал набирать себе два легиона молодых новобранцев, еще не испытанных на войне; другое войско он потребовал от союзников и таким образом прибыл в Орсон в Иберии, имея всего 15 000 пехотинцев и около 2 000 всадников. Не вступая еще в сражение, пока не получит войско, он отправился в Гадейру, переплыв пролив, чтобы там принести жертвы Гераклу. В это время Вириат, напад на некоторых его воинов, занятых собиранием дров, многих убил, а других поверг в ужас. Когда помощник главнокомандующего построил их в боевые ряды, то Вириат опять вторично победил их и захватил большую добычу. Когда вернулся Максим, то Вириат постоянно выстраивал свои боевые ряды, вызывая его на бой. Фабий не вступал с ним в сражение со всем войском, продолжая еще обучать своих, но по частям часто вступал с ним в стычки, испытывая силы неприятелей и внушая своим смелость. Отправляясь за фуражом, он всегда окружал легковооруженных тяжело вооруженными и сам с конницей провозжал их, как, он видел, делал его отец Павел, с которым он участвовал в походе на Маке-

донию. По окончании зимы уже с обученным войском он обращает в бегство Вириата, геройски защищавшегося, и из двух его городов один он разграбил, другой сжег; его самого, когда он бежал в какое-то местечко, по имени Бекор, он преследовал и убил многих. Он зимовал в Кордубе, второй год уже будучи начальником войск в этой войне.

Совершив эти подвиги, Эмилиан вернулся в Рим, а начальство принял Квинт Помпей, сын Авла.

66. С этого времени Вириат, не относясь уже с прежним презрением к римлянам, постарался отвлечь от союза с ними самые воинственные племена аруаков, титфиев и беллов. Эти племена сами по себе вели другую войну с римлянами, которую называют по имени одного их города «нумантинской»,— войну долгую и для римлян трудную. Описание этой войны я соединю вместе с описанием войны с Вириатом. Вириат в той части Иберии, которая лежит за рекою Тагом, вступил в сражение со вторым римским полководцем Квинцием и, побежденный им, бежал на гору Афродиты. Повернув оттуда, он напал на врагов, убил из войска Квинция до 1 000 человек и отнял несколько знамен; остальных он гнал до их лагеря; он выгнал гарнизон, бывший в Итукке, и опустошил страну баститанов, так как Квинций вследствие трусости и неопытности не пришел им на помощь: с середины осени он стал в Кордубе на зимние квартиры, часто высылая против Вириата Гая Марция, ибера, родом из города Италики.

67. На следующий год в качестве главнокомандующего на смену Квинту¹ прибыл брат Эмилиана, Фабий Максим Сервилиан, с двумя другими легионами римлян и с некоторыми союзными отрядами, всего в количестве 18 000 пехоты и 1 600 всадников. Он послал к нумидийскому царю Миципсе приказ прислать ему возможно скорее слонов, а сам быстро двинулся к Итукке, ведя войско частями. На дороге он столкнулся с Вириатом, напавшим на него с 6 000 воинов с криком и шумом, как всегда делают варвары, с длинными волосами, которыми они на войне, распустив их, всегда потрясают для устрашения перед лицом врагов. Сервилиан не испугался его, смело ему сопротивлялся и отгеснил его, не дав ему добиться никакого успеха. Когда же к нему подошла и остальная часть войска, а из Ливии прибыло десять слонов и триста всадников, он укрепил большой лагерь и сам первый выступил против Вириата. Он обратил его в бегство и далеко преследовал. Так как преследование шло нестройными рядами, а Вириат во время бегства это заметил, он повернул назад, и, убив до 3 000, остальных загнал в лагерь и сделал нападение на самый лагерь. Лишь немногие с трудом ему сопротивлялись у ворот, большинство же скрылось по палаткам вследствие страха и с трудом были выведены оттуда военачальником и трибунами. Тут проявил свою блестящую храбрость зять Лелия, Фаний. Наступившая ночь принесла римлянам избавление. Но Вириат, постоянно нападавая и ночью, и днем, в самую жару, не упуская ни одного момента появиться неожиданно, со своими легковооруженными и на своих быстрых конях всё время беспокоил неприятелей, пока наконец Сервилиан не вернулся назад, в Итукку.

68. Только тогда, ввиду недостатка продовольствия и имея меньшее по численности войско, Вириат, сжегши ночью лагерь, удалился в Лузитанию. Сервилиан, не успев захватить его при отступлении, вторгся в Бетурию и разграбил пять городов, которые помогали Вириату. После этого он двинулся с войском в область кунеев, а оттуда устремился вновь против Вириата в Лузитанию. Когда он шел этой дорогой, то на него напали двое главарей разбойников (партизан?) с 10 000 человек, Курий и Апулей,

¹ См. гл. 66; колебание имени вызвало большую литературу; см. М о м з е н — Римская история, т. 2, стр. 6.

привели его войско в беспорядок и отобрали добычу. Курий в этом сражении был убит. Но немного времени спустя Сервилиан вновь вернул себе эту добычу и, кроме того, взял города Эскадию, Гемеллу и Оболколу, где Вириат поставил свои гарнизоны, другие разграбил, иным дал прощение. Захватив пленных до 10 000, пятистам он отрубил головы, остальных продал в рабство. Захватив другого начальника разбойников (партизан?) Коннаба, сдавшегося ему добровольно, он, пощадив его одного, у всех, которые были с ним, отрубил руки.

69. Преследуя Вириата, Сервилиан окружил тесной осадой его город Эрисану. Ночью Вириат сумел прорваться в город и на рассвете напал на работающих. Они бежали, побросав даже заступы. Остальное войско, которое было выведено против него Сервилианом, Вириат точно так же обратил в бегство, преследовал и загнал на крутизны, откуда римлянам не было никакой возможности бежать. Не зазнавшись от такого успеха, но считая, что будет хорошо, если он положит конец войне при таких счастливых для него условиях, он заключил договор с римлянами,—и потом римский народ подтвердил условия этого договора,—а именно, что Вириат является другом римского народа, а все бывшие с ним владеют той землей, которая в данный момент у них в руках.

Таким образом, казалось, Вириат положил конец войне, для римлян бывшей очень тяжелой, завершённой теперь к общему благополучию.

70. Но на самом деле этот договор не сохранил своей силы даже на короткое время. Брат Сервилиана, заключившего такой договор, Цепион, явившись преемником его власти над войском, стал клеветать на этот договор и внушал, что он совершенно недостойн римского народа. И вот сенат сначала разрешил ему тайно наносить ущерб Вириату, в чем он найдет нужным. Но так как Цепион всё время ему надоедал и писал настойчивые письма, сенат решил расторгнуть договор и опять открыто вести войну с Вириатом. Когда было получено такое ясное постановление сената, Цепион взял город Арсу, покинутую Вириатом, а Вириата, бежавшего и опустошавшего страну, захватил в области карпетанцев, имея гораздо более многочисленное войско, чем у Вириата. Поэтому Вириат, не считая возможным вступить с ним в битву вследствие малочисленности (своего войска), сумел тайно вывести большую часть своего войска через какое-то незаметное ущелье, а сам, выстроив всё остальное войско на каком-то холме, делал вид, что собирается вступить в бой. Когда же он заметил, что посланные вперед находятся в безопасности, он с необыкновенным презрением к римлянам помчался к своим с такой быстротой, что преследовавшие даже не заметили, где он проскочил. Цепион, двинувшись в область веттонов и калланков, стал опустошать их области.

71 (74). Вириат не раз посылал к Цепиону по вопросу о мире самых верных своих друзей, Авдака, Диталкона и Минура. Подкупленные Цепионом большими подарками и многими обещаниями, они уговорились с ним убить Вириата. И действительно убили его следующим образом. Вследствие забот и трудов Вириат спал очень мало и по большей части спал вооруженный, чтобы, преснувшись, тотчас быть готовым ко всему. Даже среди ночи его друзьям можно было входить к нему. Так и тогда, по тому же обыкновению, Авдак и его сторонники, подстергши благоприятный момент, когда он только что заснул, вошли к нему в палатку, как будто по какому-то важному делу, и убили его, нанеся удар в горло, так как он был в доспехах; другого места для нанесения раны не представлялось. Никем не замеченные вследствие того, что рана была смертельной, они бежали к Цепиону и потребовали награды. Он тут же разрешил им спокойно пользоваться, чем они владели, относительно же другого, о чём они просили, направил их в Рим. С наступлением дня близкие сотрудники

Вириата и всё остальное войско, думая, что он спит, удивлялись необычности столь долгого сна, пока некоторые не заметили, что он лежит мертвым в оружии. И тотчас по всему лагерю поднялись стенания и печаль; горевали и о нем, боялись и за самих себя; думали, в каком опасном положении находятся они и какого вождя лишились. Особенно им было больно, что они не находили тех, кто это сделал.

72. Великолепно украсив его труп, они сожгли Вириата на огромнейшем костре, принесли в честь него много жертв и, разделившись на маленькие отряды, и пехотинцы, и всадники, во всем вооружении двигаясь вокруг костра, по варварскому обычаю пели песни, прославляющие его подвиги. И все находились около костра до тех пор, пока не погас огонь. Совершив погребение и насыпав могильный холм, они у могилы устроили гладиаторские бои. Столь великую печаль оставил по себе Вириат. Среди варваров это был самый крупный военный вождь; при опасностях всякого рода он был более всех других готів подвергаться им, при дележке добычи он особенно стремился сохранить равенство. Он никогда не хотел брать себе большую часть, хотя всегда и все этого требовали; а то, что он и брал, он раздавал особенно отличившимся. Поэтому ему удалось дело столь трудное и никому из вождей еще не дававшееся легко, а именно: в течение восьми лет, пока шла эта война, в его войске, состоявшем из смешения стольких племен, не было никогда восстаний; оно было ему всегда послушно и быстро и чрезвычайно охотно подвергалось опасностям. По смерти Вириата они выбрали себе предводителем Тавтала и двинулись на Сагунт, который взял Ганнибал и опять его оборудовал и по имени своего родного города назвал Карфагеном. Отбитые оттуда при переходе через реку Бэтис, они подверглись нападению и преследованию Цепиона, пока, наконец, Тавтал, находясь в тяжелом положении, не сдался сам и не сдал свое войско Цепиону, признав себя его подданным. Цепион отобрал у них всё оружие и дал им землю в достаточном количестве и достаточно плодородную, чтобы они не занимались больше грабежом из-за бедности.

Этим кончилась война с Вириатом.

73. По примеру тех подвигов, которые совершал Вириат, и другие отряды разбойников (партизан), быстро проходя по Лузитании, подвергали ее опустошению. Против них был направлен Секст (Децим?) Юний Брут; он отказался от мысли преследовать их в такой большой стране, границами которой являются такие [большие и] судоходные реки, как Таг, Лета («река забвения»), Дорий и Бэтис. Он считал, что ему трудно захватить быстродвигающиеся, как это бывает у грабителей (партизан), отряды; если он их не захватит, он полагал, что ему будет стыд; а если он их победит, то слава от этого будет ему не велика. Тогда он направился против их городов, полагая, что, во-первых, он их этим накажет, что, во-вторых, войску от этого будет много больше выгоды и что, наконец, грабители (партизаны) разойдутся по своим родным городам, если каждый из них подвергнется опасности. Держась такой точки зрения, он стал опустошать всё до тла. Против него вместе со своими мужьями сражались женщины и вместе с ними погибали, не выпуская даже в момент смерти ни одного стоны или крика страха. Некоторые, захватив с собой, что могли, уходили в горы. По их просьбам, Брут даровал им прощение, но конфисковал часть имущества.

74. Затем, перейдя через Дорий, он прошел войной через большую часть страны и, потребовав от тех, кто добровольно ему сдавался, много заложников, он подошел к реке Лете. Он был первым из римлян, который задумал перейти эту реку. Перейдя и через эту реку и дойдя до другой реки, Нимия, он двинулся походом на бракаров, так как они разграбили те запасы, которые везлись к нему. Племя бракаров... (очень

воинственное?) и они сражаются вместе со своими вооруженными женщинами. Так же смело умирали и они, причем никто не обращался в бегство, никто не показывал тыла, не издавал ни одного стога. Те из женщин, которых брали в плен, одни налагали сами на себя руки, а иные своими собственными руками перед тем убивали и своих детей, считая смерть приятнее рабства. Было у них несколько городов, которые тогда сдались Бруту, но немного позднее опять отпадали. Брут был принужден снова покорять их.

75. Затем, когда он подошел к городу Талабриге, который часто заключал с ним договор и, часто отпадая, причинял ему много беспокойств, и тогда тоже талабриги стали приглашать его к себе и отдавали себя в полное его распоряжение. Тогда он прежде всего потребовал от них выдачи римских перебежчиков и пленных, и всего оружия, какое у них было, сверх того, еще заложников, а затем велел им самим с женами и детьми покинуть город. Когда они выполнили и это, он окружил их своим войском и обратился к ним с речью, перечисляя, сколько раз они отпадали от него и сколько войн вели против него. Он внушил им ужас, и у них явилось предположение, что он хочет сделать с ними что-то страшное, но он так и кончил этими угрозами. Потребовав у них выдачи коней, хлеба и денег, которые являлись общественными, все принадлежащие государству вещи он у них взял, а город, сверх всякого их ожидания, вновь отдал им на жительство.

После всех этих подвигов Брут вернулся в Рим. В своем рассказе о Вириате я объединил всё то, что в это же время начали совершать, подражая ему, другие отряды грабителей (партизан).

76. Теперь мой рассказ возвращается к войне с аруаками и нумантинцами, которых Вириат подстрекнул к измене и отпадению. Против них из Рима был послан Цецилий Метелл с более многочисленным войском. Он подчинил себе аруаков, напав на них, занятых сбором жатвы, и поразив их своей быстротой, но у них оставались еще города Терманция и Нуманция. Нуманция стояла на обрыве, между двух рек и оврагов; ее окружали густые леса, и на равнину вела одна только дорога, движение по которой было затруднено вследствие рвов и остроконечных камней. Сами нумантинцы—их было всего тысяч восемь—были прекрасные всадники и пехотинцы. Несмотря на то, что их было так мало, вследствие своей доблести они причинили делу римлян очень много затруднений. По окончании зимы Метелл передал своему преемнику по командованию Квинту Помпею (Авлу) бывшее у него войско, 30 000 пехоты и 2 000 конницы, отлично обученных. Расположившись лагерем под Нуманцией, Помпей куда-то удалился. В это время нумантинцы, спустившись [с города], убили ехавших за ним¹ его всадников. Вернувшись Помпей вывел в боевом порядке свои войска на равнину. Со своей стороны, нумантинцы спустились туда же, но потом стали мало-помалу отступать, как будто убегая, до тех пор, пока камнями и канавами Помпей...

77. Видя, что в ежедневных мелких стычках его войска несут постоянный урон от людей, гораздо более малочисленных, Помпей перешел к городу Терманции, как к делу, с точки зрения завоевания, гораздо более легкому. Но и здесь, вступив в сражение, он потерял 700 человек, а его трибуна, везшего ему провиант, термантинцы обратили в бегство; наконец, в третий раз в один и тот же день попытав военное счастье, римляне были загнаны на крутизны и обрывы, и многие из них, пехотинцы и всадники с их конями, были сброшены в пропасти; остальные были так напуганы,

¹ Критически трудное место. Другие переводы: «убили сто из его всадников»; «ехавших здесь». Проф. Н. И. Новосадский предлагает читать «εσταθέοντες»; тогда перевод получается: «Нумантинцы, двинувшись за ним, перебили его всадников».

что так и ночевали в оружии. На рассвете враги опять выстроились против них, выступили и римляне; целый день они сражались без решительного результата; сражающихся разлучила ночь. Отсюда Помпей двинулся против маленького городишки Малии, где был гарнизон нумантинцев. Жители Малии, уничтожив хитростью гарнизон, передали свой городок Помпею. Он потребовал у них выдачи оружия и заложников. После этого Помпей перешел в Седетанию, которую опустошал начальник грабителей (партизан) по имени Тангин. Помпей победил его и взял много пленных. Но такова была сила духа у этих разбойников (партизан), что из пленных никто не пожелал переносить рабства, но одни из них убивали себя, другие тех, кто их покупал, а иные во время плавания просверливали корабли (и тонули).

78. Отправившись вновь против Нуманции, Помпей стал отводить на равнину какую-то реку с тем, чтобы задушить город голодом. Но нумантинцы нападали на римлян, занятых работой, и, выбегая без трубных сигналов, большими отрядами, доставляли тяжелые минуты занятым работой. Они нападали и на тех, кто шел им на помощь из-за укреплений вала, и загоняли их обратно в лагерь. И на другие его отряды, которые отправлялись за хлебом, они сделали нападение и многих из них убили, в том числе военного трибуна Оппия; сделав нападение на римлян, копавших канал с другой стороны, они убили до 400 человек, вместе с их предводителем (префектом). При таких обстоятельствах прибыли к Помпею из Рима помощники, а для солдат преемники,—ведь для них служба продолжалась уже шесть лет. Но прибывшие воины были новобранцы, совсем еще необученные и неопытные в военном деле. Стыдясь своих неудач и желая снять с себя этот позор, Помпей всю зиму оставался в лагере. Войска, живя в некрытых помещениях,—а были сильные морозы,—впервые знакомившиеся с водой и воздухом этой страны, стали страдать желудочными болезнями, и некоторые из воинов погибли. Когда Помпей часть их отправил за хлебом, то нумантинцы, устроив засаду, стали вести бой, бросая камни и стрелы у самого римского лагеря, вызывая римлян на сражение, пока римляне, будучи не в силах вынести их дерзости, не выступили из лагеря; но тут появились бывшие в засаде. И погибло здесь много римлян и из простых воинов, но много и из числа знатных. Нумантинцы, встретив также возвращавшихся с фуражировки, многих из них убили.

79. Помпей, удрученный столькими несчастиями, вернулся в город со своими советниками с тем, чтобы там провести остальную часть зимы, ожидая, что с наступлением весны придет его преемник. И боясь обвинений (за плохое ведение дел) он тайно завел с нумантинцами переговоры об окончании войны. Они и сами, страдая от гибели многих храбрейших из своей среды, от бесплодия земли, недостатка продовольствия и продолжительности войны, затянувшейся на много, сравнительно с их ожиданиями, тоже стали отправлять к Помпею послов. Он официально приказал им сдаться римлянам,—он говорил, что не знает других условий, которые будут сочтены римлянами достойными их,—а тайно обещал им сделать, что он собирался. Когда они с ним договорились и отдали себя в распоряжение римлян, он потребовал от них выдачи заложников, пленных и перебежчиков и всё от них получил. Он потребовал и 30 талантов серебра. Часть их нумантинцы заплатили ему немедленно, а остальные Помпей согласился отсрочить. Когда явился его преемник Марк Попилий Лена, то нумантинцы принесли ему остальные деньги; но Помпей, не боясь теперь войны, благодаря тому, что явился его преемник, и зная, что условия заключены позорные и без санкции римского народа, стал отказываться, что он заключал договор с нумантинцами. Те стали его уличать, ссылаясь на свидетелей, которые тогда присутствовали, и сенаторов, и начальников

конницы, и военных трибунов самого Помпея. Тогда Попилий послал их в Рим, чтобы они там судились с Помпеем. Судебное дело шло там перед сенатом; нумантинцы и Помпей вступили во взаимные препирательства; но сенат решил продолжать войну с нумантинцами. И Попилий вторгся в пределы их соседей лузонов, но, ничего больше не совершив, так как прибыл его преемник по командованию Гостилий Манцин, он вернулся в Рим.

80. Манцин, не раз вступая в сражение с нумантинцами, постоянно терпел поражения и в конце концов, потеряв много воинов, бежал в свой лагерь. Так как распространился слух, оказавшийся ложным, что на помощь нумантинцам идут кантабры и ваккеи, он, охваченный страхом, ночью, не разводя огней, в полной темноте увел всё свое войско и бежал в пустынное укрепление, устроенное еще Нобилиором. С наступлением дня, запертый в нем, без запасов, без укреплений, окруженный нумантинцами, грозившими перебить всех, если не будет заключен мир, он заключил его на равных и одинаковых правах для римлян и нумантинцев. Манцин дал им в этом клятву, но римляне в самом Риме страшно негодовали на такой позорнейший мир и послали в Иберию второго консула Эмилия Лепида, Манцина же отозвали в Рим на суд. Вместе с ним отправились и нумантинские послы. Эмилий, в свою очередь, ожидая ответа из Рима и тяготясь бездействием,—ведь в то время многие добивались командования войсками, стремясь или к славе, или выгоде, или триумфу, а вовсе не в целях пользы государства,—ложно обвинил ваккеев, будто в этой войне они доставляли продовольствие нумантинцам, стал опустошать их землю и осаждал их город Паллантию,—это был самый большой город у ваккеев,—хотя его жители ни в чем не провинились и не нарушили договора, и убедил принять участие в этом деле Брута, посланного против другой части Иберии, как мной было сказано раньше, Брут был его родственником.

81. Прибывшие к ним послы из Рима, Цинна и Цецилий, сказали, что сенат недоумевает, почему при стольких поражениях, полученных в Иберии, Эмилий начинает новую войну, и передали ему сенатское постановление, запрещающее Эмилию воевать с ваккеями. Так как он начал уже войну, полагая, что сенат этого не знал, не знал и того, что и Брут принимает вместе с ним участие в этом деле и что ваккеи доставляли нумантинцам хлеб, деньги и войско, и учитывая, что отказ от этой войны будет иметь страшные для римлян последствия, а именно отпадение почти всей Иберии, если противники проникнутся презрением к римлянам как к испугавшимся этой войны, Эмилий отправил назад Цинну и его товарищей, не дав им выполнить порученного дела, и одновременно с ними послал сенату соответствующее донесение, выдвигая эти же точки зрения, а сам, укрепив свой лагерь, стал в нем сооружать осадные машины и заготавливать хлеб. В это время посланный для заготовки продовольствия Флакк, внезапно окруженный бывшим в засаде отрядом врагов, ловко избежал опасности, распространив слух, что Эмилий взял Паллантию; его войско подняло радостный крик, как при победе, а варвары, узнав о причине радости и приняв это за правду, удалились. Таким образом Флакк спас подвергавшееся опасности продовольствие.

82. Так как осада Паллантии затягивалась, то у римлян почувствовался недостаток провианта, а затем их охватил и голод; они поели всех вьючих животных, и много людей умерло от недостатка питания. Оба вождя, Эмилий и Брут, долгое время крепились но под давлением (необходимости) в ненастную ночь внезапно около времени последней стражи приказали сниматься с лагеря. Трибуны и старшие центурионы, обегая весь лагерь, торопили всех выполнить это до рассвета. Среди шума и беспорядка

воины, наряду с другим, бросали своих раненых и больных, обнимавших их колени и умолявших не покидать их. Уход был нестройным и беспорядочным, скорее походившим на бегство. Паллантийцы, наседая со всех сторон, от зари до самого вечера причиняли им большой урон. С наступлением ночи римляне по частям стали валиться прямо на равнине, где кому как пришлось, без еды, выбившись из сил; а паллантинцы ушли назад,—как будто какой-то бог удалил их от римлян.

83. Так шли дела у Эмилия. Римляне, узнав об этом, сняли Эмилия с должности главнокомандующего и консула, так что в Рим он вернулся частным человеком, и наложили на него денежный штраф. Затем они разбирали дело Манцина и нумантинских послов. Последние ссылались на тот договор, который они заключили с Манцином; Манцин же всю вину за происшедшее переносил на Помпея, бывшего до него начальником войска, указывая, будто он оставил ему бездельное и не имеющее никакого снабжения войско, а потому его самого так часто побеждали; он указывал, что и Помпей заключил с нумантинцами такой же договор, как и он. Отсюда, сказал он, и эта война, решенная римлянами в нарушение того договора, оказалась для них такой роковой. Сенаторы в равной мере негодовали на обоих, но Помпей избег осуждения под предлогом, что его дело давно уже было решено сенатом. Манцина же они решили выдать нумантинцам, как заключившего с ними позорный договор без их согласия, на том же основании, как и некогда их отцы выдали самнитам двадцать вождей, тоже заключивших с ними договор без разрешения сената. Фурий отвез Манцина в Иберию и голым передал его нумантинцам, но они его не приняли. Против них вести войну был назначен Кальпурний Пизон. Он не пошел против Нуманции, но, вторгшись в землю паллантинцев и произведя небольшое опустошение, остальную часть своего командования провел на зимних квартирах в Карпетании.

84. В Риме народ был недоволен нумантинской войной, оказавшейся для него сверх ожиданий столь долгой и неудачной. Поэтому римляне выбрали во второй раз консулом Корнелия Сципиона, взявшего Карфаген, считая, что он один может покорить нумантинцев. И тогда он был еще моложе лет, назначенных для занятия должности консула. Но сенат вновь, подобно тому как при избрании его против карфагенян, постановил, чтобы народные трибуны отменили закон о возрасте и (вновь) восстановили его на следующий год. Таким образом, Сципион, снова выбранный консулом, отправился под Нуманцию, не взяв с собой по набору никакого войска, так как в это время шло много войн, да и в Иберии было много войска. Он взял с собой, по разрешению сената, только добровольцев, присланных ему в силу личного расположения отдельными государствами и царями, а из Рима своих клиентов и друзей, человек пятьсот, которых, соединив в один отряд, называл «отрядом друзей». Всех их, в количестве до 4 000, он дал вести своему племяннику Бутеону, а сам с небольшой группой поехал вперед в Иберию к войску, слыша, что оно ведет жизнь бездельную, полную мятежей и разгула. Он хорошо знал, что не победит врагов, если не будет в силах победить недисциплинированность в рядах своих.

85. Прибыв в лагерь, он выгнал оттуда всех торговцев, проституток, прорицателей и всяких жертвоприносителей, к которым войны постоянно обращались, став суеверными вследствие частых неудач. И на будущее время он запретил ввозить сюда что-либо лишнее и совершать жертвоприношения с целью гаданий. Он велел также продать и повозки, и всё то лишнее, что накладывалось на них, а также и выючных животных, кроме тех, которых он лично разрешил оставить. Из посуды для постоянного употребления он не позволил никому иметь что-либо кроме вертела, медного горшка и одной чашки. Пищей он назначил им мясо вареное

и жареное. Пользоваться мягкими постелями он запретил и первый спал на простой подстилке. Во время пути он запретил также садиться на мулов. «Какая польза», говорил он, «для войны в человеке, который не может даже ходить?!» Когда войнам приходилось умащать тело или мыться в банях, они стали делать это сами, так как Сципион смеялся над такими, (которые пользовались помощью рабов), говоря, что «вот ослы, которые, не имея рук, нуждаются в помощи чистильщиков». Таким образом он скоро вернул воинов к выдержке, приучил их к уважению и страху к себе; он был малодоступен и не склонен оказывать милости, особенно противозаконные. Он неоднократно говорил: вожди, суровые и строго блюдущие закон, полезны для друзей, а легко поддающиеся и любящие (давать и получать) подарки—для врагов. Последних войско любит, но их не слушается; у первых же войско сурово, но повинуется и готово на всё.

86. Но даже и теперь он не решился с таким войском вступить в открытый бой с врагами, прежде чем не укрепит их большими трудами. Для этого он проходил все ближайшие равнины и каждый день один за другим устраивал лагерь и разрушал его, выкапывал очень глубокие рвы и опять их засыпал, строил высокие стены и вновь сносил, сам от зари до самого вечера надзирая за всем. Во время пути, чтобы никто не расходился в разные стороны, как это было прежде, он вел войско, построенное в карре, и никто не имел права менять назначенного каждому места. Когда войско двигалось в пути, он объезжал его кругом и, большею частью находясь в арриергарде, заставлял больных садиться на коней вместо всадников, а лишнюю клажу перекладывал с мулов на пехотинцев. Когда воины устраивали лагерь, то передовой отряд этого дня прямо с пути должен был становиться вокруг вала, а второй отряд конницы—объезжать кругом всё это место. Все остальные распределяли между собой работу: одним было приказано копать рвы, другим сооружать стену, иным укреплять палатки, и количество времени для этих работ было точно определено и измерено.

87. Когда Сципион решил, что войско у него подвижно, слушается его и легко переносит труды, он передвинулся и стал близ Нуманции. Против гарнизона он не выставлял, как другие, передовых отрядов. Вообще он не разделял войска, боясь, что, потерпев в самом начале поражение, вызовет презрение к себе со стороны врагов, которые и так до сих пор относились к римлянам с достаточным презрением. Он не вступал в бой с врагами, еще изучая самый род войны, поджидая благоприятного момента и выясняя, на что обратится натиск нумантинцев. Всю область позади лагеря он очистил от всякого провианта, а хлеб скопил еще зеленым. Когда у него всё это было использовано, и приходилось ходить в места, лежавшие перед лагерем, то, хотя была более короткая дорога, ведущая в поля мимо стен Нуманции, и многие ему советовали ею воспользоваться, <он шел более далекой>, говоря, что боится возвращения, так как враги будут налегке, придется ли им делать нападение из города или отступать в город. «Наши же», говорил он, «будут возвращаться нагруженными, как ходившие на фуражировку, и утомленными, имея при себе добычу, повозки и багаж. Столкновение было бы неблагоприятным и не при равных условиях: если мы будем побеждены, то будем стоять перед большой опасностью, если же победим, то дело будет и не крупное, и для нас невыгодное. Бессмысленно рисковать из-за небольшой выгоды». И того, кто вступает в сражение, когда в этом нет необходимости, он считал полководцем ничего не стоящим, хорошим же того, кто подвергается опасности только в нужный момент. Делая сравнение, Сципион сказал, что и врачи не сразу прибегают к операциям и прижиганиям, пока не испробуют сначала лекарства. Сказав так, он велел проводникам вести по более

далекой дороге. Он и сам, когда шли походы в места, находящиеся против лагеря, принимал в них участие, и позднее в область ваккеев, откуда нумантинцы покупали себе продовольствие. Там он всё скашивал и уничтожал; то же, что было полезно для питания его лагеря, он собирал, всё же излишнее он сваливал в кучи и сжигал.

88. На какой-то равнине у Палланции, называвшейся Копланием, скрыв за возвышенностями гор большой отряд, паллантинцы с другим отрядом открыто нападали на римлян, занятых фуражировкой. Сципион велел Рутилию Руфу, который тогда был военным трибуном, взяв четыре турмы всадников, двинуться, чтобы отогнать нападавших врагов, — впоследствии Сципион описал все эти события. Когда враги стали отступать, то Руф следовал за ними слишком горячо и вместе с бегущими врагами попал на тот холм, за которым была засада. Увидав ее, он велел всадникам больше уже не преследовать и не вступать в сражение, но держа копья наготове, стоять и только отражать нападающих. Со своей стороны, Сципион, видя, что Рутимий заходит дальше указанного ему предела, испугавшись за него, тотчас же поспешно двинулся за ним и, как только наткнулся на засаду, разделил всадников на две части и приказал им, каждой части одной за другой, нападать на врагов и, пустив копья всем вместе, тотчас отступить, но не на то же самое место, а постоянно отступать всё дальше и дальше и, таким образом, уходить от врагов. Благодаря такой тактике он вывел всадников на равнину и спас их. Когда он собрал своих всадников и намеревался уходить, ему нужно было на полпути переходить реку, трудную для переправы и илистую. Там враги устроили ему засаду. Узнав об этом, он повернул с прямой дороги и пошел по более длинной, но менее удобной для засад. Идя из-за жары ночью, он копал колодцы, в которых, по большей части, находил горькую воду. Таким образом из людей он не потерял никого; только несколько лошадей и вьючных животных погибло у него от жажды.

89. Проходя через область кавкеев, с которыми раньше так предательски поступил Лукулл, Сципион велел объявить, что кавкеи могут безбоязненно вернуться на свои места. Он двинулся дальше в область Нуманции, чтобы там зимовать; сюда из Ливии пришел к нему Югурта, внук Массиниссы, с 12 слонами и приставленными к ним лучниками и пращниками. Когда Сципион грабил и уничтожал всё вокруг себя, против него была тайно устроена засада около одной деревни, которую почти всю окружала илистая топь, а с другой стороны был овраг; в нем незаметно скрылся отряд врагов. Сципион разделил свое войско, и одни из его воинов войдя стали грабить деревню, оставив свои знамена вне ее пределов, другие же в небольшом количестве ездил вокруг верхом. На них напали скрывавшиеся в засаде. Они стали отбиваться от врагов, Сципион же, — он случайно стоял перед деревней со знаменами, — звуком трубы стал вызывать находящиеся в деревне и, прежде чем их собралось с 1 000 человек, двинулся на помощь своим тесным всадникам. Когда же из деревни набралось большое число вооруженных, он обратился в бегство неприятелей, но, конечно, не стал преследовать бегущих, а удалился в свой укрепленный лагерь. В этом сражении и с той, и с другой стороны убитых было мало.

90. Через некоторое время Сципион подвинул ближе к Нуманции оба свои лагеря; во главе одного он поставил своего брата Максима, другим командовал сам. Хотя нумантинцы часто выходили боевым строем и вызывали его на бой, он не обращал на них внимания, считая, что сражаться с людьми, бьющимися под давлением отчаяния, нет никакого смысла и что гораздо лучше запереть их в городе и взять голодом. Он устроил семь передовых постов, сделав осаду < более строгой и обратился к союзникам > ,

предписав каждому, кого и сколько они должны прислать. Когда вызванные прибыли, он разделил их на много частей, поделил и собственное войско; затем, поставив отдельного начальника над каждою частью, приказал провести вокруг города ров и выстроить укрепленный вал. Окружность самой Нуманции была 24 стады, а окружность проведенного рва больше, чем вдвое. Всё это пространство он разделил на части, поручив их каждому из начальников. Он предупредил их, чтобы они в случае, если враги будут наступать, подали знак, днем высоко подняв на копье красное знамя, а ночью зажегши огонь, чтобы он и его брат Максим могли со всей поспешностью явиться им на помощь. Когда всё это было сделано, как он приказал, и он вполне имел возможность отражать тех, кто захочет ему помешать, он вырыл второй ров, немного выше этого, велел вбить в него колья и выстроить стену, ширина которой была 8 футов, высота же 10, не считая зубцов. Со всех сторон были воздвигнуты башни по стене на расстоянии плетра (120 шагов) одна от другой. Так как примыкающее сюда болото он не мог окружить стеною, он провел здесь насыпь одинаковой величины со стеной в глубину и в высоту, так что и она могла считаться за стену.

91. Таким образом Сципион, первый, как мне кажется, из военачальников, окружил своими укреплениями город, который не отказывался от сражения. Река Дурий, протекая у самых укреплений Нуманции, была очень полезна ее жителям для доставки продовольствия и пересылки людей, которые незаметно проплывали по ней или вплавь или пользуясь маленькими челноками, или же прорывались на парусах, когда был сильный попутный ветер, или на веслах вниз по течению. Сципион не мог построить на этой реке мост, так как Дурий был широк и с очень сильным течением. Взамен моста он поставил на этой реке два укрепления. Из каждого из этих укреплений он спустил на реку длинные балки, привязанные канатами, и вытянул их во всю ширину реки. В эти балки были часто вделаны мечи и наконечники, которые под силой течения вертелись вместе с балками. Этим они не позволяли незаметно плыть ни по воде, ни под водой, ни на судах. Этого, главным образом, и желал Сципион, чтобы никто с жителями не соприкасался и никто к ним не приходил, и они не знали бы, что делается за их стенами. Он думал, что таким образом они останутся без продовольствия и без всякого снабжения.

92. Когда всё было готово, когда на башнях были поставлены катапульты, бросающие стрелы и камни, а наверху укреплений у зубцов были собраны в большом количестве и камни, и стрелы, и копья, когда передовые посты занимали стрелки и пращники, Сципион по всему укреплению расположил близко один от другого вестников, которые и ночью, и днем, получая друг от друга сообщения, должны были доносить ему, что происходит, а по башням дал приказ, если что случится, первая башня, на которую будет сделано нападение, должна поднять знак, и тот же знак поднимают все остальные, когда заметят, что у первой начался бой. Это было сделано с той целью, чтобы волнение, поднявшееся по этому знаку, он мог скорее узнать, а более точные сведения получал бы от вестников. Вместе с местными силами у него было до 60 000 войска. Половину он назначил для охраны стены и на всякий случай, если где явится необходимость, а 20 000 должны были сражаться у стен, если это будет нужно, и остальные 10 000 были в запасе. И для них, для каждого, было назначено определенное место; менять его без разрешения было запрещено. Каждый должен был бежать к назначенному ему месту, когда давался знак начала какого-либо наступления.

С таким старанием и точностью всё было устроено Сципионом.

93. Нумантинцы часто делали нападение на охраняющих укрепления

по частям, то с одной, то с другой стороны. Но вид того, с какой быстротой немедленно защищающиеся являлись на свои места, был поразителен, всюду высоко поднимались знаки тревоги, всюду мчались вестники: те, кто должен был сражаться со стен, немедленно поднимались на стены; со всех башен слышался призывный звук труб, так что весь круг укреплений, в окружности охватывавший 50 стадий, тотчас же на всех врагов наводил величайший страх. И весь этот круг Сципион объезжал каждый день и ночь, наблюдая за ним.

Заперев так врагов, Сципион считал, что у них сил хватит не надолго, так как у них уже не было возможности получать ни продовольствия, ни оружия, ни помощи.

94. В это время один нумантинец Ретоген, по прозвищу Каравний, лучший по доблести из нумантинцев, подговорив 5 человек друзей со столькими же слугами и конями, в ненастную ночь незаметно перешел через пространство между городом и укреплениями римлян, неся с собой складную¹ лестницу (сходни); он и его друзья успели вскочить на укрепления и, перебив сторожей и справа, и слева от себя, слуг своих отпустили назад, а на лошадей, которых они перевели по этой лестнице (по сходням), сели верхом и поехали в город аруаков с молитвенными ветвями в руках, прося их оказать помощь нумантинцам, своим родичам. Но некоторые из аруаков не стали даже слушать их, а в страхе перед римлянами тотчас выслали их от себя. Впрочем был город Лутия, очень богатый, лежавший от Нуманции на расстоянии 300 стадий; ее молодежь стояла горячо на стороне нумантинцев и тянула город к союзу с ними. Об этом старейшины тайно донесли Сципиону. Получив это известие в восьмом часу дня (4 часа пополудни), он тотчас же двинулся с очень большим числом легковооруженных и на рассвете, окружив Лутию своими сторожевыми отрядами, он потребовал выдачи зачинщиков из молодежи. Когда жители стали говорить, что юноши уже скрылись из города, Сципион объявил, что разграбит город, если не получит этих лиц. Испугавшись, они привели их, числом до 400. Сципион велел отрубить им руки. Затем он поставил гарнизон и, быстро пройдя обратно расстояние, с наступлением следующего утра явился в свой лагерь.

95. Страдая от голода, нумантинцы послали пять человек к Сципиону с поручением узнать, отнесется ли он с известной умеренностью и снисходительностью к ним, если они ему сдадутся. Их глава Авар много и высокопарно говорил о решимости и храбрости нумантинцев, прибавив, что даже теперь, претерпевая такие бедствия во имя жен и детей, во имя унаследованной от отцов свободы, они не совершили ничего, что можно было бы поставить им в вину. «Потому-то особенно тебе, о Сципион», сказал он, «человеку, исполненному великой доблести, следовало бы пощадить этот великодушный и храбрый род людей и предложить нам из всех тяжких условий сдачи самые человечные, которые мы будем в состоянии перенести, подвергшись таким переменам судьбы, недавно еще совсем иной. Таким образом, это зависит уже не от нас, а от тебя, захочешь ли ты принять сдачу города, предъявив умеренные требования, или безучастно видеть, как сражаясь мы все погибнем». Так сказал Авар. Зная от пленных о положении дел в городе, Сципион им ответил только то, что они должны отдать себя в распоряжение римлян и вместе с оружием сдать город. Когда этот ответ был сообщен осажденным, нумантинцы, и раньше вспыльчивые в гневе, как люди, пользовавшиеся всегда полной свободой и не привыкшие подчиняться приказаниям, а тогда вследствие несчастий ставшие еще более дикими и обезумевшими, убили Авара и бывших с ним

¹ Другое чтение: сколоченную из сплошных досок.

5 послов, как вестников бедствий и, по их мнению, конечно, устроивших безопасно свои личные дела у Сципиона.

96. Немного времени спустя, когда у осажденных получился полный недостаток съестных припасов, не имея ни плодов земли, ни скота, ни травы, сначала они, как и некоторые другие, под давлением военной нужды, жевали разваренную кожу, но когда не стало у них и таких кож, они стали пожирать вареное человеческое мясо. В начале в кухнях разрубались тела умерших, но затем, пренебрегая мясом больных, более сильные стали насильственно убивать более слабых. Не было того бедствия, которого бы они ни испытали; они одичали духом от такой пищи и телом стали похожи на зверей от голода и чумы, покрытые волосами и грязью¹. В таком виде они сдались Сципиону. Он велел им в этот день снести оружие, куда он им указал, а на следующий день притти на другое место. Но они просили отложить это еще на день, признавшись, что многие еще охвачены жаждой свободы и хотят сами своей рукой покончить расчеты с жизнью. Поэтому они просили отсрочки на один день, чтобы устроить свою смерть.

97. Столь велика была любовь к свободе и человеческому достоинству в этом варварском и небольшом городе. Хотя во время мира их было всего 8 000 человек, сколько и сколь жестоких поражений не нанесли они только римлянам! Сколько договоров они заключили с ними на равноправных условиях! А таких договоров римляне никому не позволяли заключать с собою. Сколько раз вызывали они на бой, да еще такого полководца, который последним вел их осаду, осаждая их с 60-тысячным войском! Но он, конечно, оказался более искусным полководцем, чем они, и не пожелал вступить в сражение с этими чудовищами, доканав их голодом, этим непобедимым бедствием—только им одним можно было победить нумантинцев, им одним они и были побеждены.

Я решил рассказать всё это о нумантинцах, видя, что несмотря на их малочисленность, какую выносливость в несчастиях проявили они, какие подвиги они совершили и как долго переносили они осаду. Прежде всего некоторые из них добровольно сами на себя наложили руки различными способами; а остальные на третий день после этого вышли из города и явились в назначенное место в ужасном виде, не похожие на людей, с нечистыми телами, заросшие волосами, с длинными ногтями, все полные грязи. От них исходила ужасная вонь; одежда на них висела не менее грязная и не менее вонючая. В таком виде они даже врагам казались жалкими, но взоры их были страшны для смотрящих на них: мрачно² глядели они на врагов, полные гнева и печали, измученные трудами и сознанием, что они поедали друг друга.

98. Оставив из них пятьдесят человек для триумфа, всех остальных Сципион продал, а город сравнял с землею. Этот римский полководец взял два самых трудных для завоевания города: во-первых, Карфаген, на основании постановления самих римлян, из-за величины города и его могущества, плодородия земли и удобного положения на море; во-вторых, Нуманцию, город маленький и малонаселенный, об уничтожении которого римляне до тех пор не выносили никакого решения. Его Сципион разрушил по собственному решению, или считая это полезным для Рима, или по отношению ко всему, что он захватил, чувствуя крайний гнев и злобу, или, как полагают некоторые, думая, что великая слава достигается великими несчастиями других. Ведь и до сих пор римляне называют его Африканским и Нумантинским, в память тех бедствий, которые он заставил

¹ Конъектура Ниппердеа. Место испорченное.

² По конъектуре Стефана.

пережить оба эти города. Тогда же, разделив землю нумантинцев между ближайшими соседями, проведя собрания с участием других городов и общин, высказав свое порицание или наложив денежный штраф, если он кого-либо находил подозрительным, Сципион отплыл домой.

99. Римляне, по обычаю, в те части присоединенной Иберии, которую захватил Сципион или раньше до Сципиона завоевал и подчинил Брут, послали комиссию из десяти сенаторов, чтобы они устроили эти места и успокоили. Позднее, когда в Иберии произошли новые мятежи, был выбран главнокомандующим Кальпурний Пизон. Его преемником был Сервий Гальба. Но когда кимвры двинулись на Италию, а в Сицилии возгорелась вторая война с рабами, римляне не посылали войск в Иберию, занятые этими войнами, но отправляли послов, которые должны были уладить эту войну какими средствами они только найдут возможным. Но когда кимвры были изгнаны из Италии, Тит Дидий, отправленный в Иберию, перебил до 20 000 аруаков; их город Термес, очень большой и всегда непокорный римлянам, он перевел с высоких и трудно доступных гор на равнину и велел жить, не обнося его стенами. Осадив Коленду, он взял ее на девятый месяц, принудив ее сдаться, и всех жителей с детьми и женами продал в рабство.

100. Другой город, рядом с Колендой, занимали различные выходцы из кельтиберов, которых пять лет тому назад, с согласия сената, поселил здесь Марк Марий в награду за ту помощь, которую они оказали ему против лузитанцев. Но вследствие бедности они занимались грабежом. Решив их уничтожить, с согласия комиссии из 10 сенаторов, еще бывшей в Иберии, Дидий сказал виднейшим из них, что он хочет ввиду их бедности дать им область Коленды. Видя, что они очень обрадованы, он велел им, сообщив это народу, притти с женами и детьми, чтобы размежевать землю. Когда они прибыли, он велел воинам выйти из укрепленного лагеря, а тем, против кого он устраивал засаду, войти внутрь под предлогом, что там, внутри, он хочет переписать всю массу, отдельно мужчин, отдельно детей и женщин, чтобы знать, сколько земли им надо дать. Когда они зашли за ров и за укрепленный вал, окружив их войском, Дидий всех перебил. И за это Дидий получил триумф. Когда кельтиберы вновь отпали от римлян, против них был послан Флакк. Он убил из них 20 000. В городе Бельгеде народ, стремясь к отпадению, ввиду колебания сенаторов, сжег их вместе со зданием совета. Явившийся туда Флакк казнил зачинщиков.

101. Вот что нашел я интересного из совершенного тогда римлянами против иберов. Впоследствии, когда в Риме началась междоусобная война между Суллой и Цинной и в ряде междоусобных войн и походов они шли друг на друга, терзая родину, Квинт Серторий, выбранный партией Цинны в правители Иберии, поднял эту самую Иберию против римлян. Собрав большое войско и устроив сенат из своих личных друзей в подражание римскому сенату, он с большой смелостью и блестящей обдуманностью выступал против Рима; и в других отношениях, с точки зрения энергии, он был очень славен, так что испуганный сенат выбрал из своей среды пользовавшихся наибольшей славой полководцев Цецилия Метелла, дав ему большое войско, а следом за ним Гнея Помпея с другим войском, чтобы они всякими возможными средствами избавили от этой войны Италию, которая тогда особенно страдала вследствие борьбы двух партий. Но Перперна, один из сотоварищей Сертория по восстанию, убил его, и вместо него объявил себя вождем восстания. В битве Помпей убил Перперну, и на этом окончилась данная война, внушившая такой большой страх римлянам. Более подробно об этом будет рассказано в изложении гражданских войн Суллы.

102. После смерти Суллы начальником войск в Иберии был назначен Кай Цезарь с правом вести войну, с кем он найдет нужным. Всех, кто в Иберии волновался, или еще не был во власти римлян, всех их он силой оружия принудил покориться. Некоторых снова отпавших от римлян покорил Октавий, сын Кая, получивший имя Августа. С этого времени, как мне кажется, римляне разделили Иберию,—или Испанию, как отныне они стали ее называть,—на три части и направляли туда военачальников, двух ежегодно избираемых и командимуемых сенатом, а третьего посылает император на время, какое ему угодно.

Перевод С. П. Кондратьева

